

*Команданте
Май*

**ВИКТОР
БОГДАНОВ**

Виктор Богданов

Команданте Май

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42623854

ISBN 9785449683847

Аннотация

Вот было б здорово однажды утром снова проснуться мальчишкой – так мечтают многие взрослые. А так ли уж это невозможно? А если рядом с вами живет озорной и непоседливый паренёк, верящий в чудеса, легенды и склонный попадать в разные «авантюрные» приключения? Если вы с ним дружите, то жизнь ваша может сделать такой крутой поворот, что ни во сне не приснится, ни в самой увлекательной книжке не прочитаешь. Тогда наступает день, когда вы обнаруживаете, что вам снова двенадцать лет и всё впереди...

Содержание

Часть 1. Зов города	5
1. Тильзит	5
2. Легенда о Юргене	28
3. Седисваканц	50
4. Гроза	68
5. Тильград	90
6. Бойся своих желаний	109
Часть 2. Грандзоор	135
7. Тропа Юргена	135
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Команданте Май

Виктор Богданов

Иллюстратор Юлия Толстоусова

Дизайнер обложки Юлия Толстоусова

Корректор Анастасия Смирнова

© Виктор Богданов, 2019

© Юлия Толстоусова, иллюстрации, 2019

© Юлия Толстоусова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-8384-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Зов города

1. Тильзит

Этот небольшой старинный город понравился мне сразу, как только я впервые прошёлся по его улицам. Было это очень давно. По нынешним временам можно сказать – в прошлом веке. Был я в те времена курсантом военно-морского училища и волей providения познакомился с девушкой из этого города. Впервые приехал сюда встретиться с её родителями, так как дело у нас шло к свадьбе. Со свадьбой всё сложилось как надо и к повествованию моему отношения не имеет. Упомянул об этом лишь с целью пояснить, как я впервые попал сюда.

Старинный немецкий город не сильно пострадал в Великую Отечественную войну и по её итогам остался в составе нашей страны. Аккуратные немецкие дома радовали глаз. Мощёные булыжником улицы своей древностью вызывали уважение – на своём веку они много чего повидали. Даже Наполеона видели и царя Александра первого – они ещё до Отечественной войны 1812 года подписали в этом городе мирный договор после очередной войны. Договор тот так и называли по имени города – «Тильзитский». Тильзит – город Восточной Пруссии – в Советском Союзе переименова-

ли в Советск, каковым он и остаётся поныне. Но жители города помнят старое название не только потому, что на прилавках магазинов можно купить сыр «тильзитер», который, кажется, на самом деле, начали производить когда-то в этом городе. Старое название города, словно само собой, читается в его старинном облике. Извилистая речка Тильзитка, может и переименовывалась когда-то, но об этом никто не помнит, и городские мальчишки продолжают летом купаться в ней, как когда-то купались немецкие мальчишки.

Величественный мост Королевы Луизы через Неман, взорванный немцами в 1944 году и восстановленный в советское время даже отчеканен на памятной серебряной монете, выпущенной Банком России. Когда-то по нему я свободно переходил на другой берег Немана, как и жители города, на более удобный пляж. Теперь по нему просто так не пройдёшь – граница с когда-то братской республикой, а теперь с не дружественным новым государством.

За много прошедших лет я часто бывал в этом городе. Каждый год приезжал в отпуск, пока был молодым. Потом все реже и реже, но всё равно приезжал с большим удовольствием. Последний раз – лет пять назад. И вот снова собрался, бросил всё и приехал. Приснилось однажды, что город зовёт меня. А если зовёт, значит – есть тому причина. Вот я и прикатил сюда в очередной раз.

Остановиться было у кого. В городе проживали сестра жены с мужем. Правда, теперь уже я для них перешёл в кате-

горию бывших родственников, но отношения у нас сохранились хорошие. Можно было поселиться на время у них – не выгнали бы, но почему-то не хотелось. Как-то неудобно. Дизель-поезд от областного центра преодолел расстояние до города за три часа с небольшим. На привокзальной площади несколько старушек торговали свежей зеленью и ягодами. Это было немного странно, потому что проходящих поездов почти не было и рассчитывать на заработки от пассажиров явно не приходилось.

– Комнату не сдаёте? – спросил я у крайней сухонькой старушки, перед которой на картонке лежали по два пучка укропа, петрушки и зеленого лука.

Взгляд старушки из безразличного стал заинтересованным.

– Надолго? – окинув меня с ног до головы, спросила она.

– Как получится...

– Командировочный?

– Нет, в отпуске.

– А чего не на море, Светлогорск или Зеленоградск? У нас тут ничего такого нет.

– Туда я могу потом съездить. А сюда... город юности, знаете ли...

Видимо, мой ответ удовлетворил её любопытство, и мы быстро договорились. Собрав свои товары, она попрощалась с остальными кивком головы, и мы ушли. По дороге я узнал, что звать её Вера Сергеевна, адрес моего будущего времен-

ного местожительства, и что у неё сейчас живёт внук Тимка – шалопай десяти лет. Насчёт мальчишки я могу не беспокоиться, «потому что его целыми днями где-то нелёгкая носит». Я и не беспокоился. С шалопаями разного возраста я умел отлично ладить, да и наличие такого соседства всегда делает жизнь веселее, в чём и уверил собеседницу.

Трехэтажный дом немецкой, ещё довоенной постройки, ничем не отличался от точно таких же домов, вплотную прикнувших к нему с обеих сторон. Парадный вход оказался проходным и выводил в уютный внутренний дворик с песочницей и клумбами. Под кустами уже отцветшей сирени скамейка, видимо сделанная одним из жильцов-умельцев. Это я успел заметить, когда вслед за Верой Сергеевной поднимался на второй этаж, где мне предстояло обитать в ближайшие дни. Квартира оказалась двухкомнатной, с высокими потолками и небольшими окнами. Большая комната с кроватью и диваном, вполне современной корпусной мебелью и круглым столом посередине. Тумбочка с телевизором напротив дивана, под потолком люстра. Смесь советского и современного быта.

Меня провели в комнату поменьше. Сразу было видно, что здесь обитает мальчишка. Несколько плакатов с автомобилями на стенах, разбросанные по всей комнате вещи, не заправленная после сна постель. На столике большой монитор компьютера – модель давно устаревшая, почти древняя, если сравнивать с сегодняшними плоскими монитора-

ми. Системный блок под столом. Даже по моим меркам такая модель компьютера являлась весьма древним раритетом. Неужели ещё в рабочем состоянии?

– Извините за беспорядок, – покачала головой хозяйка. – Вечно у него так. Сколько ни говори – всё как от стенки горох... Я сейчас постель поменяю и можете отдохнуть с дороги. Устраивает вас эта комната?

– Вполне. А как же мальчик?

– На диване в большой комнате спать будет.

Я огляделся. Здесь вполне хватит места для двоих. Как-то неловко было выживать из неё хозяина, тем более, что в комнате стояли два дивана. Второй, немного меньше первого, приткнулся у стены напротив окна.

– В принципе я не буду возражать, если мы с ним вместе тут проживём. Места хватает, и если мальчик не будет против.

– Да он мешать вам будет.

– Не думаю. Я же не собираюсь целыми днями тут сидеть. Не для этого приехал. Да и не стоит из-за нескольких дней менять установившийся уклад вашей семьи. Как-нибудь уживёмся. Думаю, он уступит мне этот большой диван, а сам может на втором, поменьше, разместиться.

– Ну, как хотите, – махнула рукой хозяйка. – Если будет мешать или надоедать – скажете.

Она быстро поменяла простыни, собрала разбросанные мальчишечьи вещи и удалилась, предложив мне располагаться в комнате и пригласив через пятнадцать минут на лёг-

кое чаепитие.

Большого количества вещей у меня не было, так что обустройство много времени не заняло. Переложив из дорожной сумки кое-что на выделенную мне полку в небольшом платяном шкафу, поставил на подзарядку ноутбук – за время поездки аккумулятор его совсем разрядился. Прихватив полотенце, сходил умылся и привёл себя в порядок с дороги. К своему удивлению обнаружил в туалете вполне современную душевую кабину. В старых немецких домах, насколько я помнил с прежних времен, ни душа, ни ванной в квартирах не было. Немцы как-то обходились только туалетами и умывальниками в прошлом веке. Но находка обрадовала.

Чай был уже готов и мы с Верой Сергеевной почаёвничали за милой беседой. Сначала отвечал на вопросы я. Это было понятно, ведь она впускала в свой дом чужого человека и пыталась узнать о нём больше. Скрывать мне нечего, и я вполне честно удовлетворил её любопытство на мой счёт. Она удивилась, но только покачала головой, узнав, что в городе у меня есть родственники по линии бывшей жены и я просто не хочу стеснять их своим присутствием на положении неизвестно кого. Тогда же узнал, что Вера Сергеевна до пенсии работала на местной чулочно-трикотажной фабрике, что муж её был военным и служил в этом городе. Я и сам помнил, что в советские времена здесь размещался большой военный гарнизон. В старинных, ещё немецких, казармах располагалась целая танковая дивизия, теперь со-

кращённая. Впрочем, свято место пусто не бывает, и теперь в тех же казармах располагалась какая-то часть морской пехоты – несколько матросов в их чёрной форме я видел, когда мы шли сюда мимо тех самых казарм.

После чая я собрался на первую прогулку по городу, следовало познакомиться с его новым обликом, а что он изменился не было никаких сомнений. Перед поездкой я не поленился залезть во всемирную сеть и посмотреть современный план города и много разнообразных фотографий. Например, меня заинтересовал музей города Тильзита, которого раньше не было. Тем более, что по карте он находился совсем рядом с домом, куда я впервые приезжал знакомиться с родителями будущей супруги. Правда, в том доме в те времена находилось пошивочное ателье. Также в городе появился музей военной техники, его тоже следовало посетить. Может быть во время прогулки город сам подскажет, зачем он меня позвал. Предупредив хозяйку и заодно поинтересовавшись, надо ли чего купить из продуктов (хозяйка любезно предложила мне и обеспечение питанием), прихватив лёгкую куртку-ветровку на случай внезапной смены погоды, вышел на улицу.

Изменения в виде обилия магазинов и магазинчиков, конечно, встречались часто, но они не портили самого облика старинного немецкого городка. Разве только вывесок с названиями стало больше. Дань времени и свободному рынку, который взялась строить страна в последние два десятиле-

тия. Ну и расчёт на иностранных туристов сказывался тоже – теперь город стал пограничным. Обилие на улицах машин с иностранными номерами из государства на другой стороне реки поражало. Хоть соседнее государство и вело себя не по-соседски и недружественно, но его граждане с удовольствием приезжали сюда и забивали багажники своих машин товарами из местных магазинов, заливали баки машин под пробку бензином и соляркой. Да и в самих магазинах было достаточно много товаров с той стороны реки.

Центральная улица города стала теперь пешеходной зоной и это правильно. Если бы не это решение городской власти, то была бы забита машинами, ведь выходила она к мосту через реку, а там теперь был пограничный пункт пропуска. Я так и дошёл по этой улице до самого пограничного пункта. Точнее говоря – до запруженной ожидавшими своей очереди на пропуск машинами площади перед мостом королевы Луизы. На дверях городского музея висело объявление о каком-то «техническом дне». Что такое санитарный день я знаю, но вот про технический день в музее приходилось читать впервые. Ну да бог с ним, с техническим днем – зайду в следующий раз.

На городском озере по воде резво бегали «водные велосипеды» и прогулочные лодки, как когда-то в давние времена – в этом отношении тут ничего не изменилось. У берега медленно плавали лебеди и утки, ожидая, что кто-нибудь покормит их хлебом. И дожидались. То тут, то там кто-нибудь на-

чинал бросать им угощение.

Пройдя по давно знакомым улицам и отмечая изменения, я порядком устал. В попавшемся на пути небольшом кафе выпил чашку кофе, съел пирожное. Найдя свободную скамейку в скверике рядом с копией памятника воину-освободителю, точно такому же, какой установлен в Берлине в Трептов-парке, только уменьшенному, отдохнул, просто наблюдая за городской жизнью. Посидев с полчаса, решил вернуться в квартиру. Ноги начали гудеть и прогулка уже не вызывала наслаждения. Погулять ещё будет время.

Робкий стук в дверь заставил меня проснуться. Вернувшись с прогулки, я прилёг на диван отдохнуть и не заметил, как заснул. Сев, помотал головой, прогоняя сон. Стук повторился.

– Да, да... – отозвался я, – входите.

Дверь открылась, и в комнату шагнуло симпатичное существо с давно нестриженной светло-русой шевелюрой, серыми глазами и россыпью веснушек на носу и щеках. Перешагнув порог комнаты, гость нерешительно затоптался на месте, разглядывая меня. Хотя, какой он гость? Он хозяин, а гость в этой комнате я, возможно, совсем некстати нарушивший границы его суверенного пространства. Воспользовавшись заминкой, я тоже рассматривал его.

Передо мной стоял самый натуральный представитель подрастающего поколения. Джинсовые шорты с бахромой говорили о том, что когда-то были настоящими джинсами, пока их хозяин не вырос и штанины не обрезали. Босой.

На ногах и коленях, как и на руках, многочисленные царапины, свежие и уже подсохшие. Впечатление такое, что играл мальчишка исключительно в зарослях колючего шиповника. Выцветшая футболка цвета хаки с портретом Че Гевары работы Джима Фицпатрика на груди в нескольких местах испачкана чем-то чёрным вроде сажи. Такое же чёрное пятнышко красовалось на загорелой щеке.

– Мы так и будем рассматривать друг друга? Проходи, ведь это твоя комната.

– Здравствуйте... Бабушка сказала забрать мои вещи. Можно?

– Здравствуй. Ты, стало быть, внук Веры Сергеевны? Тима? А я Виктор Владимирович, – я протянул ему руку, как взрослому. – Рад познакомиться.

– Тимофей, – протянул в ответ руку мальчик. – Можно просто Тим.

– А меня можно просто дядя Витя. Твоя бабушка любезно согласилась приютить меня на несколько дней. Не беспокойся, твои неудобства в связи с моим присутствием в вашем доме временные.

– Да мне что? Живите... Я только вещи заберу некоторые...

– Зачем забирать? Если ты не возражаешь, мы вполне можем обитать в этой комнате вдвоём, места хватает. Всё-таки это твоя комната. Ты мне уступишь большой диван, а сам разместишься на втором, что поменьше. Думаю, что твои ноги пока не будут вылезать за его габариты.

– Не-е, не вылезут, – улыбнулся мальчишка. – А я Вам не помешаю?

– Бог с тобой! Как ты можешь мне помешать? Разве что большой диван не отдашь и мне придётся скрючиваться на маленьком. Но ты же не поступишь со мной так?

– А Вы там поместитесь?

– Боюсь, это будет проблемно.

– Тогда спите на большем, – великодушно разрешил Тим.

– Ну, что скажешь? Уживёмся мы с тобой в одной комнате?

– Уживёмся!

– Тогда договорились! Ничего не надо перетаскивать.

Всё же мальчишка прошёл к шкафу и, порывшись в нём, достал чистые вещи и выскользнул из комнаты, сказав, что ужин будет через полчаса. Взглянув на часы, я удивился – шёл седьмой час вечера, проспал я больше трёх часов. Однако!

На кухне хозяйка возилась с приготовлением ужина. Приведя себя в порядок, я предложил свою помощь. Тим в это время принимал душ и его повизгивания были слышны за закрытой дверью в туалет, где, как я уже упоминал, стояла душевая кабина.

Совместными усилиями, моя доля в которых была почти символической, стол вскоре был накрыт. Хозяйка тут же предложила мне начать ужин, а я встречно предложил дождаться мальчика и приступить к трапезе всем вместе. Тим

не заставил себя долго ждать и вскоре появился, усиленно вытирая полотенцем волосы и сверкая свежeweымытым голым телом.

– Оденься, бесстыдник, – прикрикнула на внука бабушка, и тот, увидев меня, испуганно ойкнул и скрылся в большой комнате.

Появился через минуту уже в более приличном виде и, как ни в чём ни бывало, сел за стол. Бабушка поворчала на него немного и даже отвесила легкий, чисто символический, подзатыльник.

– А что такого? Девчонок тут нет... – парировал внук.

– Стыда у тебя нет.

– А ты не смотри. Знаешь же, что там места мало и я всегда так делаю.

– Сейчас у нас гости, не забывай.

– Не думаю, что дядя Витя никогда не видел го...

– Тимофей! Прекрати!

– Уже.

– Что уже?

– Уже прекратил, разве не видишь.

– Вот всегда так, – обращаясь ко мне, покачала головой Вера Сергеевна. – Делаешь ему замечание, а в ответ куча оправданий.

– Ничего страшного, Вера Сергеевна. В его возрасте это обычное дело – спорить. А насчёт одежды – так и я в его годы, порой, голышом любил искупаться.

– Вот! Дядя Витя понимает, что я не нарочно, а ты сразу на меня бочку катишь, – почувствовал поддержку Тим.

Вера Сергеевна прищурилась и переводила взгляд с меня на внука и обратно, потом усмехнулась и проговорила:

– Ума не приложу... ещё часа не прошло, как вы встретились, а уже успели спеться.

Мы с Тимом переглянулись. В его серых глазах читались веселье и ожидание, что я отвечу.

– Кхм... вообще-то мы ничего такого... – смутился я под строгим взглядом хозяйки.

Тимка хихикнул.

– Ну да, конечно, – иронично произнесла хозяйка. – Пока «ничего такого», но, чуёт моё сердце – споётесь.

– Вы любите петь? – тут же спросил Тимка.

– В хорошей компании и петь веселее. В детстве я любил петь, мы много пели.

– А сейчас?

– Почему бы и нет, если есть повод для песни? Конечно,

всегда, с удовольствием...

– Вы мне зубы не заговаривайте и не уводите от темы. То же мне, звёзды эстрады. Давайте ужинать, пока всё не остыло.

После ужина Тим убежал куда-то, а я вышел во внутренний дворик. Дворик был уютный, с заботливо разбитыми клумбами с цветами, детской песочницей и даже самодельными качелями. Там же, рядом с песочницей и качелями, в землю наполовину вкопаны несколько отслуживших свой срок автомобильных покрышек разного диаметра. Прыгать по ним или пролезать сквозь них уже давно вошло в моду на детских площадках. Всё какое-то разнообразие при практически нулевом финансировании. Видно, что внутренний дворик оборудовался силами самих жильцов. Обойдя его, я обнаружил помимо скамейки под кустом сирени, что увидел в дверной проём утром, ещё одну скамейку под каштаном в противоположной стороне двора, а также ещё один проходной подъезд. Через него можно было попасть на параллельную улицу, такую же не слишком оживленную.

Сейчас в дворике было пусто. Обойдя его, я устроился на скамье под сиренью. Просто сидел и наслаждался тишиной, вспоминая дневную прогулку по городу и строя планы на завтрашний день.

Видимо, моё сидение во дворе затянулось. Я так увлёкся своими мыслями, что не слышал, как сзади кто-то подошёл.

– Вы здесь до утра сидеть будете? – раздалось у меня за спиной.

От неожиданности я вздрогнул и обернулся. Тимофей стоял в двух шагах от меня и крутил в руках сорванный листик.

– Ты меня напугал.

– Я не хотел, извините. Просто бабушка волнуется, что вы тут долго сидите.

– Как долго? Вроде бы совсем не долго. Задумался немножко.

– Я час назад вернулся и видел, что вы тут уже тогда сидели в той же позе.

Он обошёл куст сирени и сел рядом:

– Понимаю, тут место такое – любимая скамейка бабушек и дедушек. Они на этом месте тоже подолгу сидят. У нас эта скамейка называется скамейкой древних, а вон та, что под каштаном, скамейкой любви – на ней парни с девушками всегда целуются.

– Даже так! Значит, я правильно сел. А где скамейка для таких ребят, как ты?

– Зачем нам специальная скамейка? – удивился Тим. – Вспоминать прошлое нам ещё рано, целоваться (его, как любого мальчишку, даже передернуло при этом слове) тоже рано. У нас своих дел хватает, чем всякими глупостями на скамейках заниматься.

Слова мальчишки кольнули самолюбие. Это что получа-

ется – меня он относит уже к древним? Говорит так снисходительно... «А сам-то в его возрасте как думал о таких, как ты сейчас? – ехидно вылезло внутреннее я. – Точно так же смотрел на пенсионеров и так же думал». Что ни говори, а он прав – для него я человек старый.

– Всему своё время. Придёт когда-то и тебе время сначала для скамейки под каштаном, а когда-нибудь и для этой.

– Когда это будет! Сто лет пройдет.

– Неужели я на сто лет выгляжу?

– Нет, что Вы... Вам ещё до старости... долго... – тактично ответил мальчишка и смутился.

Усмехнувшись про себя, я не подал вида, что заметил смущение. Всё понятно и без слов – в его глазах все, кто старше тридцати лет, уже старики.

– А о чём вы тут думали? – сменил тему мальчишка.

– О чём? Как изменился город с тех пор, когда я увидел его в первый раз.

– Это когда было? Ну, в первый раз?

– Ой, давно – лет сорок назад.

– Это же в прошлом веке!

– Ну так я и родился в прошлом веке. Что, всё-таки старый, да?

– Немножко...

– Зато у меня есть, что вспомнить и рассказать.

– Что рассказать?

– Например, много разных историй, случившихся со мной

или моими друзьями.

– Интересные? Вы кем работали?

– Я был военным моряком. А истории – это, ведь, кому как. Для кого-то интересные, для кого-то не очень.

– Мне расскажете что-нибудь?

– Ну, если ты хочешь, и если у тебя найдётся время послушать. Днём, насколько я понял, у тебя хватает дел и без меня.

– Так и у вас днём свои дела. Вы же не просто так сюда приехали.

– Знаешь, а ведь я даже не знаю, зачем я приехал.

– Как это? – Тим удивлённо уставился на меня. – Приехали, а зачем не знаете? Так не бывает.

– Бывает... – вздохнул я. – Мне показалось, что меня кто-то позвал. Или что-то.

Как объяснить мальчишке, что бывают ситуации, когда сам не понимаешь, почему совершаешь то или иное действие? Просто чувствуешь, что так надо сделать – и делаешь. Кто-то называет это шестым чувством, кто-то волей провидения. Но любое объяснение будет не полным и не точным. Вот меня позвал этот город, и я приехал. Зачем? Почему? А я не знаю. Приехал и всё. Может, город мне хочет что-то показать или сказать, только я пока не понял, что именно. А, может, не сам город, а кто-то позвал меня через него. Возможно, что звали не меня, но почему-то этот зов дошёл до меня и я просто какой-то запасной вариант. Гадать бес-

полезно. Как говорит один мой знакомый, очень серьёзный человек, всего на год или полтора старше сидящего сейчас рядом со мной Тима – ничего не происходит в жизни просто так: если ты оказался в какое-то время в определённом месте – значит, так и должно было произойти. Ну а если следовать этому философскому постулату – случится всё то, что и должно случиться, а, может, это уже происходит.

– Слушай, Тима, а вдруг я приехал сюда, чтобы встретить тебя? Как такой вариант? Может, это ты для чего-то позвал меня, ну или не конкретно меня, а позвал кого-то, а приехал я?

– Я? Но зачем?

– Не знаю. Вдруг тебе нужна помощь или совет. Всё может случиться в жизни.

Сказал я всё это в шутку, чтобы как-то завершить странный разговор, но мальчик почему-то напрягся, словно я случайно задел какую-то тайну, и эту тайну он держал где-то глубоко внутри себя, никому её не доверяя. Он серьёзно и испытующе посмотрел на меня, словно оценивая второй раз за день и с другой стороны. Мне даже показалось, что он хотел задать какой-то вопрос, но вдруг отвёл глаза и вместо вопроса сказал:

– Наверное, в детстве вы были большим фантазёром и просто разыгрываете меня.

– Совсем не разыгрываю, честное слово. Но в любом случае мне приятно вновь побывать в этом замечательном го-

роде. А позвал или нет – время покажет. Пойдём, братец, в дом, время уже позднее, а мне хотелось бы перед сном ещё душ принять.

– Только вы не выскакивайте из душа, как я вышел, а то бабушка вообще с ума сойдёт и скажет, что мы точно спелись, – хихикнул Тим.

– Уверяю тебя, шокировать твою бабушку я не собираюсь.

Конечно, приняв душ, я вышел в подобающем виде. Пока сохли волосы, мы с хозяйкой чинно почаёвничали на кухне, под беседу на отвлечённые темы. Тим не появлялся, вероятно уже видел десятый сон. За чаем я поинтересовался родителями мальчика. Оказалось, что его отец нефтяник и работает в одной из африканских стран, куда уехал вместе с женой и младшей дочкой. Тиму пришлось остаться в России потому, что в той стране нет русской школы. Его привезли к бабушке, оставили документы и доверенность, записали в местную гимназию. Вот уже два года, как они живут вдвоём. Пока компьютер работал, с родителями связывались по скайпу, но сейчас в нём что-то сгорело и уже три месяца обходились только редкими телефонными звонками. Надежды на приезд родителей в отпуск нет, потому что там какой-то очень строгий контракт сроком на пять лет. Отсутствие отпусков компенсировалось повышенным денежным окладом. Родители присылали небольшие деньги на содержание мальчика, и на жизнь хватало. Обещали прислать

на новый компьютер, но пока перевода не было.

Тим привык к разлуке и ему здесь нравилось, не то, что в Новом Уренгое, где он жил до этого. Хлопот много бабушке не доставлял, был в меру хулиганистым, чуть дерзким, соответственно возрасту, но учился неплохо и помогал по хозяйству. В последнее время стал немного скрытным, куда-то пропадал на целый день. Бабушке говорил, что играет с приятелями или купается на Тильзитке. Только в последнее время часто стал приходить весь извазюкавшийся или, как сегодня, в саже и пропахший костром. Как считала Вера Сергеевна, где-то на речке жгут костры. Но табаком ни разу от него не пахло – значит не балуется. Конечно она беспокоилась, но разве можно уследить за мальчишкой! Слава богу, что вовремя возвращается домой.

– Вы, если что, поостороже с ним, – попросила хозяйка. – Если что-то неподобающее заметите – скажите мне. Или если проговорится. Нет, я ему, конечно, доверяю. Он всегда был честным мальчиком, но вот что-то в последнее время скрывает. Если шалость какая – это ещё ничего, мальчишки всегда шалят. Лишь бы серьёзного чего не было.

Я обещал присмотреть, пока буду жить рядом с ним. Хотя, честно говоря, даже не представлял, как смогу это сделать, ведь судя по рассказам, он убежит по своим делам с раннего утра. Не стану же я искать его по городу. Если только случайно увижу.

Вернувшись в выделенную комнату, свет включать

не стал. Света от полной луны хватало, чтобы не наткнуться на мебель на пути к дивану. В полутьме разобрал, что Тимка недвижно лежит на маленьком диване, а из-под простыни за край свешиваются голая нога и рука в длинном рукаве пижамной куртки. Мальчишка спал на животе. Подойдя, я осторожно поднял его ногу и прикрыл простыней, как когда-то делал своему ребенку. Он не проснулся.

Всё-таки я ударился пальцами ног о ножку своего дивана. Чуть не выругался, но сдержался и только зашипел от боли. Посидел, пока боль утихла, прислушиваясь, не разбудил ли ненароком Тима, но всё обошлось. С его стороны не раздавалось ни единого звука. Повертевшись немного, нашёл удобное положение и вскоре заснул.

2. Легенда о Юргене

Не мной одним подмечено, что во время учебного года ребенка вовремя добудиться и отправить в школу весьма сложно. Ну не поднять без усилий и не собрать его на уроки. В итоге всё равно отправляешь в путь полусонного. А вот в выходные дни или в первые дни каникул, когда можно подольше поспать, ситуация меняется до наоборот. Любимые чада вскакивают ни свет, ни заря и с самого своего пробуждения ставят весь дом на уши, врываясь в спальни к с трудом открывающим глаза родителям. Эта особенность детских организмов за одну ночь превращаться из совы в жаворонков на выходные и наоборот в понедельник – не поддается никаким законам природы, научным диссертациям и вообще здравому смыслу. Мой сосед по комнате, конечно же, оказался именно таким.

Следует отметить, что я всю жизнь сплю чутко. Привычка, выработанная годами службы. Вот спишь в своей каюте, вроде бы всё хорошо, но вдруг двигатель меняет свой ритм работы или какой другой посторонний шум раздаётся неподалеку – сразу вскакиваешь с вопросом «что случилось».

Вот и сегодня в сон сначала донеслось шлёпанье босых ног, потом скрип открываемой двери. Чуть погодя всё повторилось в обратном порядке. Потом я уловил лёгкое движение воздуха рядом с собой, а ещё через минуту почувство-

вал, что меня пристально разглядывают. Я не собирался открывать глаза и хотел подождать, что будет дальше, но, видимо, что-то выдало меня, потому что разглядывавший вдруг хмыкнул, шмыгнул носом и произнес:

– А ведь вы не спите.

– Не сплю, – притворяться дальше не было смысла, я открыл глаза.

Передо мной сияла улыбкой конопатая рожица Тимки.

– Доброе утро, дядя Витя.

– Доброе. А скажи-ка, мой юный друг, который сейчас час?

– Без десяти минут семь.

– Семь... И что же подняло тебя в такую рань во время каникул?

– Просто проснулся.

– Ага, понятно. А чтобы одному не скучать решил меня разбудить?

– Не будил я вас, вы сами проснулись и делали вид, что спите.

– Конечно проснёшься, когда тебя в упор разглядывают.

Интересно, что ты хотел увидеть на моём лице?

– Ничего я не разглядывал, – смутился мальчишка. – Просто проходил мимо и случайно посмотрел на вас. А вы ещё спать хотите что ли?

– Уже не хочу. Кстати, куда ты шёл мимо меня?

– Хотел открыть окно.

– Так иди и открой. Сейчас будем делать зарядку. Ты делаешь по утрам зарядку?

– Ну...

– Понятно. У меня предложение: раз нам выпало какое-то время жить в одной комнате, предлагаю хоть что-то делать вместе. Таскать тебя по городу с собой я не собираюсь, ведь у тебя свои дела, но утро провести в общем ритме мы вполне можем.

– Можем.

– Не стой, открывай окно.

Тимка вскочил с корточек, на которых сидел до сих пор перед моим диваном и побежал к окну, распахнул обе створки. То, что я вчера принял на нем за пижамную курточку, оказалось ночной рубашкой. Самой настоящей – мальчишеской, голубого цвета, с воротником и кармашком на груди, длиной как раз до колен.

Встав со мной рядом, он добросовестно повторил за мной весь комплекс упражнений. Делал это старательно и к концу даже немного покраснелся. Потом мы по очереди умылись и поспели как раз к завтраку, что приготовила хозяйка. Сам я по утрам обходился чашкой кофе, а Тимка с аппетитом умял яичницу и пару бутербродов с сыром, запив их чаем. Только после этого он соизволил пойти переодеться.

Видимо по случаю моего присутствия он облачился сегодня в новую жёлтую футболку и бежевые шорты с наглаженными стрелками. На ногах были носочки, чему даже бабуш-

ка удивилась. В общем, от вчерашнего вида в измазанной сажей футболке и шортах с обтрепанными штанинами отличался кардинально. Если вчерашний вид напоминал дворового оболтуса, то сегодня перед нами стоял интеллигентный воспитанный мальчик. Даже аккуратно причесанный.

– Ого! – удивился я. – Предполагаю, что сегодня у тебя предстоит что-то важное. Уж не собрался ли к кому-то в гости?

– А чё такого? Разве что-то не так?

– Всё так, – улыбнулась Вера Сергеевна. – Только так должно быть всегда, а не раз в месяц или того реже.

– Зато на той одежде меньше грязь заметная, и играть можно без опаски.

– Играть и в этом можно, только аккуратнее.

– Ну да, легко тебе говорить. А вот случайно за что-то задену и пятно будет.

– А ты старайся не задевать. Вот вырастешь когда, тогда тоже каждый день будешь домой грязным приходить? Что тебе жена тогда скажет?

– Больно надо... жениться ещё... обойдусь как-нибудь...

Сегодня я намеревался всё же посетить местный музей, в который вчера попасть не удалось, чем и поделился с хозяйкой, когда она спросила о моих планах. Тима заявил, что может проводить меня до него, ему всё равно по дороге. О своих же планах он туманно сказал что-то насчёт ре-

бят и озера. Мы вместе вышли из дома и не спеша пошли в центр.

– Вы вчера так и не рассказали мне никакой истории, хотя обещали, – шагая рядом, выдал Тим.

– Я обещал?

– Да, когда мы во дворе сидели.

– Так ты уже спал, когда я пришёл. Намотался, наверное, за день, вот и не дождался. Если сегодня не заснёшь раньше времени, то поговорим перед сном. Не хочешь вместе со мной прикоснуться к истории этого древнего города?

– Мы были в музее всем классом зимой. Ничего особенного.

– Да? Ну, в твоём возрасте многие вещи кажутся неинтересными или скучными. Значение исторической информации начинаешь понимать только с годами. Когда я был в этом городе в последний раз, никакого музея ещё не было. Вот и хочу посмотреть, что там есть. Вот ты, например, помнишь, как город назывался совсем не так давно, до середины прошлого века?

– Это каждый знает – Тильзит. Он перешёл в состав России, а тогда ещё СССР, после Великой Отечественной войны, как и вся Калининградская область.

– Правильно. А когда город был основан?

– В пятнадцатом веке.

– А если точнее?

– Точнее не помню.

– А я помню. В одна тысяча четыреста четвертом году. Хотя это спорная дата.

– Почему спорная?

– Она считается от даты закладки Тильзитского замка. Этот замок был заложен в 1404 году магистром Тевтонского ордена.

– Он в нём жил?

– Нет, Тима, не жил. В те времена замки представляли собой крепости. Их строили на границах государств, и они выполняли роль пограничных крепостей. Защищали прилегающие земли от набегов воинственных соседей, в данном конкретном месте от литвинов.

– Литвинов? Литовцев что ли?

– Наверное, да. Раньше литвины, теперь литовцы. А спорная дата потому, что ещё до закладки замка здесь уже было поселение людей. Об этом есть упоминание в летописи, но всё же основание считается от даты закладки замка.

– Почему так?

– Не знаю. Бывает много мест, где люди сначала основывали свои поселения, жили в них, а потом по разным причинам эти поселения пустели и вообще исчезали с лица земли. Я думаю, что строительство большого замка-крепости стало определенной вехой. Надеясь на защиту гарнизона, вокруг него стало селиться всё больше людей. Поселение разрасталось и в итоге превратилось в город. На мой взгляд – очень даже красивый город. А развалины замка сохранились

до сих пор.

– Я знаю те развалины. Там пара стен ничем не примечательных и всё.

– Ну, замок – это не только высокие и крепкие стены. Это ещё и подземелья, тайные ходы, вообще сами древние тайны, может быть даже клады и привидения.

– В нашем замке привидений нет.

– Почему так думаешь?

– Потому что там и комнат-то нет, коридоров нет, ничего нет – просто пара стен разрушенных. Привидениям надо ходить по коридорам, греметь цепями, жутко завывать, а тут такого ничего нет.

– Да, в таком случае им, привидениям, сложнее приходится. Но ведь есть ещё и подземелья.

– Нет там никаких подземелий. Даже если когда-то были, то теперь ни одного входа не осталось.

– Точно не осталось?

– Точно! Я бы знал.

– Неужели интересовался?

Тимка смутился, посмотрел куда-то в сторону:

– Немного...

– Что за причина подвигнула тебя поинтересоваться? Если не секрет, конечно. Наверное, какая-нибудь древняя карта с обозначением места кладя?

Тимка поморщился, дёрнул плечом.

– Нет, не клад. Пацаны говорят, что где-то в городе есть

дверь, которая ведёт в ход, по которому сюда приходит Юрген. Если вы не в первый раз в городе, то, наверное, слышали легенду о Юргене?

Тимка остановился и вопросительно посмотрел на меня. Но его слова о легенде были для меня новостью. Да, раньше я часто бывал здесь, но ничего подобного не слышал. Мне стало интересно. Нет, даже не так. Во мне мгновенно проснулся далекий мальчишка и захотел услышать эту легенду. Мы уже прошли половину улицы Победы, в конце которой был музей. Улица была пешеходной и вдоль неё были установлены скамейки. Оглядевшись по сторонам, я заметил уже работающую палатку с мороженым и предложил:

– Тим, если ты не очень спешишь по своим важным делам, то давай возьмём по мороженому, присядем, и ты расскажешь мне легенду Юргена. Раньше я ни о каком Юргене не слышал.

– Совсем-совсем не слышали?

– Ни слова.

– А мороженое какое будем есть?

– Какое хочешь – такое и будем. Лично я предпочитаю пломбир. Вот... – я протянул ему сторублёвку, – сходи сам купи себе какое хочешь, а мне пломбир.

Он убежал к палатке, а я пошёл к скамейке, сел и стал смотреть на него. Выбирал мороженое он довольно долго. О чём говорил с девушкой-продавщицей слышно не было, но она показывала ему то один, то другой стаканчик или

упаковку. В итоге выбор был сделан и мальчишка с достоинством протянул купюру, получил сдачу и забрал покупки. Обернувшись, отыскал меня глазами, улыбнулся и солидно, не торопясь, пошёл в мою сторону. Вручив мне брикетик пломбира и вернув сдачу, устроился рядом. Себе он выбрал фруктовый лёд на палочке.

– Ну, так что там за таинственная легенда?

– В первый раз мне рассказал о Юргене мальчишка с нашей улицы. Я не поверил, но потом уже в школе услышал легенду снова. Этому мальчику на вид лет одиннадцать или двенадцать. Вроде бы раньше он жил в этом городе, ну, когда он ещё немецким был. Когда война кончилась, всех немцев отсюда выселили и увезли в Германию. Этот Юрген или спрятался или вернулся назад в город из Германии (тут говорят по-разному), чтобы найти или своего отца, или брата. А может ещё кого-то другого. Но в доме, где он раньше жил, теперь жили другие люди. Он стал жить в каком-то подземелье недалеко от городского замка. Только подземелье это не простое. Говорят, что там время не движется, а стоит на месте, поэтому Юрген не взрослеет и остается до сих пор мальчишкой. Но другие говорят, что он по своему проходу через подземелье ходит сюда из другого мира, где продолжает жить и уже старый, но когда он проходит через ту самую дверь к нам, то снова превращается в мальчика.

– Вот как? Стало быть, это кто-то похожий на Питера Пена?

– Кто это – Питер Пен?

– Ты не читал книжку или не видел фильм о нём?

– Нет.

– Это мальчик, который решил никогда не становиться взрослым и улетел в страну Нетландию, где и продолжает жить мальчишкой вместе с несколькими такими же приятелями. У них там никогда не кончаются приключения, есть пираты, индейцы, феи и много ещё чего и кого. Интересная история, советую почитать.

– Это же сказка, – пожал плечами Тимка.

– А Юрген? Его кто-нибудь хоть раз видел? Или вся эта легенда основана только на рассказах? Но даже рассказы должны основываться на каком-то реальном случае. Если такого реального случая не было, это тоже сказка.

Тим помолчал, облизывая пальцы от капелек растаявшего мороженого, искал, чем бы вытереть руки и я вовремя дал ему носовой платок, иначе чистейшие и отглаженные шорты мальчишки уже получили бы первую грязную отметину. Возвращая платок, он вздохнул и заявил:

– В том-то и дело, что видели... Я тоже видел.

Честно говоря, такого ответа я не ожидал. Думал, он сейчас пожмёт плечами и ответит, что не знает, или, что никто не видел. Но ответ оказался противоположным моим ожиданиям. Я молча и с удивлением уставился на него.

– Да, я видел, – повторил мальчик. – Не скажу точно, что это был именно Юрген, но мальчика я видел и это был не со-

всем обычный мальчик. Я не стал подходить близко потому что... испугался.

– Расскажи подробнее, как это случилось.

– Чаще всего Юрген появляется ранним утром около городского озера. Всегда, в это время над озером и вдоль берега стоит туман. Он появляется из тумана, подходит к воде, раздевается и идёт купаться. Потом выходит, побегает по берегу, вроде как играет. Когда туман начинает рассеиваться, он быстро одевается и уходит. Никто не видел, куда он уходит. Просто пропадает и всё. Говорят, что давно, лет двадцать назад, когда он купался, к нему подошёл один мальчик. Они о чем-то говорили, а потом этот мальчик пошёл вместе с Юргеном и больше его никто не видел. Искали и по городу, и по всей стране, но так и не нашли. Другие ребята, кто подходили к нему и разговаривали, но не уходили за ним, они не пропадали. Это они рассказывали, что зовут его Юргеном. Он всегда что-то спрашивает, а если ему что-то подарить, то он тоже в ответ что-то дарит. Какую-нибудь мелочь – предмет или даже монетку старинную. Но в таких разговорах с ним надо держать ухо востро – если на какой-то хитрый вопрос или предложение ответить согласием, то уже отказаться будет невозможно, и ты уйдёшь за ним следом и тоже пропадёшь.

– На какие вопросы?

– Не знаю. Наверное, если он предлагает пойти с ним что-то посмотреть. Или что-то другое. А если не зовёт – куда-то

идти не обязательно.

– Логично. Ну а что ты?

– Я поспорил, что увижу Юргена и поменяюсь с ним чем-нибудь. Это было в самом начале каникул. Я четыре дня уходил рано утром как будто на рыбалку, а сам ждал, когда он появится. Но он не появлялся. Тумана в эти дни не было, потому и он не приходил. Зато на пятый день, как только я дошёл до озера, почти сразу начал сгущаться туман. Сначала редкий, он становился все более плотным и поднимался выше. Я был недалеко от того места, где его видели чаще всего. Когда стало в десяти шагах ничего не разобрать, я сначала услышал шаги, а потом увидел его. Он шёл по дорожке вдоль озера. Я спрятался за кустами и стал смотреть, что он будет делать. Мальчик этот дошёл до места, где, как говорили пацаны, он чаще всего купается, свернул с дорожки и вышел на берег. То, что он не из наших видно было сразу. Он был повыше меня, но на нем были смешные короткие кожаные штаны с ляпочками. Такие носят немецкие мальчишки на старых фотографиях и в кино. Ещё на нем были высокие ботинки, тоже старинные, и такие длинные, как футбольные гетры, носки до колен.

– Ну, да, вид не современный. Продолжай.

– Вот и я говорю – сразу видно, что не из наших. Так вот он дошёл до воды, разделся и совсем голый полез в воду. Плавает, кстати, очень даже прилично. Я сначала хотел дожидаться пока он вылезет из воды и подойти к нему,

но не знаю почему, мне стало страшно. Вот хоть режьте меня, но я подумал, что обязательно скажу что-то не то, и он меня за собой уведёт. Я не стал ждать, когда он выйдет на берег, на четвереньках подполз к его одежде и положил сверху мячик от тенниса. Этот мячик я нашёл как-то на улице, но в большой теннис не играю и он мне не нужен. Вот, значит, положил и уполз обратно за кусты, стал ждать. Он, когда вылез, то не сразу оделся. Так голышом побегал по берегу, сделал несколько раз стойку на руках, только потом стал одеваться. Мячик он долго рассматривал и оглядывался по сторонам, но я сидел тихо. Он даже позвал несколько раз: «Юнге!» – это по-ихнему «мальчик». Потом сказал «Данке», достал что-то из кармана, поднял вверх, показывая, и положил на землю. Потом туман стал редеть, и он пошёл в обратную сторону. Даже оглянулся два раза, а потом как-то сразу вдруг пропал. Я сидел за кустами пока туман совсем не пропал. На том месте, где он оставил что-то, я нашёл старинную монету. Она у меня дома, я вам потом покажу. Ребятам я не сказал, что не разговаривал с Юргеном. Я просто показал им эту монету. Спор был про то, что я обменяюсь с ним чем-нибудь и я на самом деле поменялся – мячик на монету. Ведь всё честно получилось, правда?

– Условия спора ты выполнил, а как произошёл обмен – это уже детали, о которых всем знать не обязательно.

– Вот и я так думаю.

– Что за монету ты нашёл?

– Не нашёл, это он оставил её мне. Я не знаю, но она очень старая. Мальчишки говорят, что какого-то прусского королевства. Может быть даже редкая, но это надо специалистам показать.

– В интернете искать не пробовал?

– У нас же компьютер сдох окончательно...

– Ну да, ну да... Ничего, вечером посмотрим, мой ноутбук в рабочем состоянии.

Тимка сидел и качал ногами. Мы помолчали. Потом он посмотрел на меня серьёзно и спросил:

– А вы теперь верите в Юргена? Или всё ещё считаете, что это выдумки?

Конечно, услышанная мной история была бы самой натуральной легендой, если бы не утверждение мальчика, что он сам видел этого Юргена. Возможно ли, что кто-то разыгрывает ребят? Вполне. А возможно, что это на самом деле происходит и в действительности некий мальчишка из прошлого или из другой реальности проходит через некий портал или просто щель между пространствами? А почему бы и нет? Тоже возможный вариант. Любое явление имеет право на существование, если не доказана его невозможность. А дети – они не такие, как взрослые. Они не загружены излишками информации о законах возможного и невозможного, поэтому им открыто больше загадочных тайн, чем взрослым. Я поверил Тиму, как поверил когда-то своему тёзке – мальчишке Витьке – о его прогулке в прошлое с друзьями во время

отдыха в летнем лагере. Он тогда утверждал, что они даже приняли участие в бою на бронекатере в далеком 1941 году.¹ Поверил и нашёл этому подтверждение в боевых донесениях тех лет и выписке из приказа командующего флотилией о награждении двух юнг, впоследствии загадочно пропавших без следа. Это ТАМ они пропали без следа, а ЗДЕСЬ их следы нашлись. Но этому вряд ли кто, кроме меня, поверит.

– Верю. Но и сам хотел бы проверить тоже.

– Не бойтесь, что он уведёт вас с собой?

– Если уведёт туда, где я снова стану мальчишкой – почему бы и нет? – улыбнулся я и потрепал его волосы. – По крайней мере, там я бы избавился от всех болячек и лишнего веса, ведь в детстве я был худющий, словно спичка.

Тимка хихикнул и растянул рот в улыбке.

– Зря смеёшься. У тебя всё ещё впереди.

– Не-е, я не буду таким... габаритным!

Вот нашёл же словечко! «Габаритный!» Я еле сдержал готовый вырваться смех – всё же надо вести себя солидно, в соответствии с «габаритами». Вместо этого сказал поучительным тоном:

– Не зарекайся, мальчик, ни от чего на свете. Нам не дано знать, где мы будем, что с нами будет, и какими мы будем даже завтра, а не то, что через много лет. Если, конечно, случайно не набредем на временной портал в будущее и не увидим там себя. Но вероятность такого события ничтожно ма-

¹ Повесть «Приключение, которого не было».

ла, хотя в твоём возрасте она выше, чем в моём.

– Что выше? – не понял Тим.

– Вероятность найти путь в другое время или пространство. Проще говоря – машина времени обычно попадается таким мальчишкам, как ты, а не взрослым дядям, как я. И для меня это печально.

– Почему?

– Потому, что ты быстрее найдёшь хотя бы тот проход Юргена, чем найду его я.

– Почему? – опять спросил Тимка.

– Ты из племени «почемучек»? Просто тебе найти проход в иной мир или время... проще, чем мне.

Я понимал, что эти слова не отвечают на его вопрос, но сказал так намеренно. Объявлять напрямую, что переходы между мирами и временами возможны – провоцировать мальчишку на интенсивные поиски. Влезет ещё куда-нибудь, куда соваться не следует... Всё-таки город пограничный и мало ли что может случиться. По его виду было понятно, что он не удовлетворен ответом, но переспрашивать не стал.

Мы продолжили путь. Он довёл меня до музея, но на предложение посетить его вместе отказался. Рванул бегом куда-то в сторону городского озера.

Экспозиция музея была интересной. Присутствовали старинные виды города, фигуры исторических личностей, когда-то побывавших в нём, ну и что обычно бывает в таких

музеех – предметы быта, одежды, мебель и прочее. Была и историческая справка о значимых датах города. Она мне показалась самой интересной, и я с удовольствием изучил её.

Осмотр музея занял около двух часов. Выйдя на площадь, я какое-то время понаблюдал за работой пропускного пограничного пункта перед мостом через Неман, потом прошёл во двор дома рядом с музеем и с чувством нахлынувшей ностальгии какое-то время смотрел на окна второго этажа. Когда-то за этими окнами жила семья моей супруги, пока не получили квартиру в новом современном доме. Так что за этими окнами старого немецкого дома бывал и я. Кто там теперь живёт? Подумал, было, подняться и познакомиться, но что бы это дало? Ничего. Постоял, посмотрел, и пошёл через дворы к озеру.

Вдоль всего озера ещё в немецкие времена была проложена прогулочная дорожка. Она бежала по всему берегу в окружении старых толстых деревьев, в основном это были липы. Сейчас, в конце июня и начале июля они цвели, и весь город буквально утонул в сладком липовом запахе. Первая встретившаяся мне скамейка располагалась как раз под большим цветущим деревом. На ней я и расположился, созерцая прекрасный водный пейзаж и вдыхая не менее прекрасный запах.

Через некоторое время в голове сам собой вспомнился рассказ о Юргене. Как в любой легенде, в ней было много мальчишечьей фантазии, хотя сама легенда выглядела кра-

сиво. Собственно, а почему я сомневаюсь? Я же не раз сам в своих рассказах забрасывал мальчишек в подобные ситуации, когда становились возможными переходы в прошлое или в будущее, или в другие измерения и реальности. Проще говоря – сам заставлял мальчишек фантазировать и верить в такие рассказы, а фантазия может разыгаться очень буйно. Однако, если рассказ Тима о своей встрече с загадочным Юргеном не фантазия, в чём сомневаться причины нет, хоть и хочется, то, возможно, я могу найти тут приключение, сродни приключениям моих героев. Это было бы забавно. Одно дело писать фэнтези, а другое – оказаться самому на месте героя. Вот интересно, а смог ли бы я сам выбраться из ситуаций, в какие помещал мальчишек в рассказах? Хотелось бы надеяться, что да.

Думать об этом было интересно, но мысли постоянно возвращались к легенде, рассказанной Тимом. Собственно говоря, если обратное не доказано, значит она имеет право на существование. А вдруг, в самом деле, мне представилась возможность узнать нечто такое, от осознания чего даже дух захватывает? А что если это именно то, для чего я услышал зов города? Что эта легенда и есть причина, по которой я внезапно собрался и отправился почти за две тысячи километров? А ещё я не остановился у бывших родственников, а снял угол в квартире, где проживает мальчик каким-то образом связанный, опять же, с этой легендой. Совпадение или что-то другое? Пока трудно судить. Но если совпадения про-

должатся, то...

Как я ни старался уйти от этих мыслей, они не собирались уходить на второй план. Более того, почему-то стали переплетаться с мыслями о городском озере. Сдавшись, я постарался сделать хоть какие-то обобщения. Начал с озера.

Вообще-то это было даже не озеро, а пруд. В него впадала речка Тильжа, которую зачастую именуют просто Тильзиткой. Давным-давно, ещё во времена Тевтонского Ордена, после постройки городского замка-крепости и образовавшегося вокруг него поселения, люди построили плотину и перекрыли эту речушку. Так образовался обширный пруд. На этой плотине построили водяную мельницу. А все старинные водяные мельницы, как известно, всегда были местами тайн, загадок, необъяснимых явлений, мистики и прочих замечательных и завлекательных ситуаций, поверий и много ещё чего. В общем – где есть водяная мельница, там всегда есть и что-то необычное. Сейчас, конечно, никакой водяной мельницы нет, но плотина, где она находилась, никуда не делась. Ныне по ней проходит дорога. Точнее – улица. И место это совсем недалеко от развалин Тильзитского замка. А под замком, как тоже всем известно, существуют подземные галереи и ходы. Могут ли подземелья замка быть как-то связаны с плотинной? Например – подземным ходом? Почему бы и нет. Вполне возможный вариант.

Под всеми городами бывшей Восточной Пруссии существуют не менее обширные подземные города. В смысле –

в них полно разных подземных галерей и ходов. В Калининграде, например, когда он был немецким, существовали даже подземные заводы. Они и сейчас существуют, только до них не добраться, их затопили немцы при приближении наших войск в конце войны. Что мешает существовать подобным галереям в этом небольшом городе, как и в других? Абсолютно ничего. И они есть, по крайней мере, под замком. Входы в них, конечно, перекрыты или даже замурованы во избежание допуска туда разных искателей приключений типа Тимки. Но! Если легенда имеет реальную основу, то какой-то вход всё-таки есть и о нём никто не знает. Или он появляется при определенных условиях, например при возникновении тумана над прудом. А туманы, как тоже известно всем, не только природное явление. Туманы могут скрывать в себе всё что угодно, даже... межпространственные и межвременные переходы. А что это значит? Это значит, что поиски прохода, или перехода, или портала, или ещё чего-то связанного с легендой о Юргене надо искать вблизи пруда на расстоянии распространения туманов. Ближайшее возможное место – как раз старая плотина, где когда-то была водяная мельница. Чем не идея? Вполне разумная с точки зрения искателя приключений любого возраста.

Однако, как только я в своих размышлениях дошёл до этого места, мысли мои успокоились, легенда о Юргене и всё связанное с ней сразу отошло на второй план. Такое впечатление, что я решил какую-то задачу. Ну, раз решил – значит,

решил. Я поднялся и дошёл до конца пруда, там, где была старая плотина и сейчас изливались излишки воды, стекая в Неман. Со стороны пруда ничего примечательного. Ну – плотина, в камне и металле. Никаких дверей с этой стороны не видно. Если и есть что-то, то находится оно под водой и, значит, добраться туда проблемно. Вряд ли кто станет нырять тут в воду и искать под ней мифический проход. Как я ни старался предположить, где бы был возможным вход внутрь плотины, но так ничего более-менее подходящего и правдоподобного в голову не приходило.

Я даже немножко расстроился, что ничего не нашёл на старой плотине. А, впрочем, чего ждать от детских идей, вдруг каким-то путем забредших в голову взрослого мужика? Одно исключает другое в большинстве случаев, и надеяться на исключение из этого правила чистейшее ребячество. Что ж, видимо не судьба мне разгадать загадку этой легенды и встретиться с Юргеном. Придётся оставить её тем, кто шустрее и значительно моложе, например Тиму. У него это может получиться.

Едва мелькнула последняя мысль о Тиме, как глаз зацепил мелькнувшую на другой стороне улицы мальчишечью фигурку в желтой футболке. Он в компании с парой приятелей как раз завернул за угол дома к проулку, что вёл к развалинам городского замка. Почему-то у меня даже сомнения не возникло, что это именно Тим, а не какой-то другой мальчик. Судя по направлению движения и жестикуляции на хо-

ду, они явно отработывали очередную идею, возможно даже связанную с упомянутой легендой. Вероятно, в очередной раз облазят все развалины замка.

Пока я дошёл до перехода через дорогу, пока добрался до развалин, прошло не меньше получаса. Маленькой детской компании на развалинах не застал. Вполне может быть, что они здесь и не появлялись. Это и к лучшему – незачем детям бродить по развалинам. В целях безопасности, разумеется.

3. Седисваканц

Тим пропустил обед и появился только к вечеру: хмурый, голодный и грязный от ног до ушей. От чистого утреннего наряда не осталось и следа. Вся одежда, ноги, руки и лицо были в красной кирпичной пыли, местами разбавленной чем-то чёрным для разнообразия. Я только присвистнул, увидев его на пороге.

– Бабушка здесь? – шёпотом поинтересовался он, опасливо заглядывая в открытую дверь.

– Нет, пошла к соседке поболтать.

– Это хорошо.

Он прошмыгнул в комнату, скинул с себя всю грязную одежду и в одних трусах прошлёпал на кухню, где сунул нос в холодильник, поизучал содержимое. Достал масло, намазал на кусок хлеба, посыпал сахарным песком, начал жевать, запивая домашним компотом.

– Сильно проголодался? – поинтересовался я.

– Как собака.

– Если применять такое сравнение, то следует предположить, что ты весь день и пробегал как это животное?

– Почти. Надо было в несколько мест успеть.

– Смею предположить, что красно-чёрную боевую раскраску ты приобрел... сейчас угадаю... в подземельях замка?

Он будто на стенку наткнулся, перестал жевать и вопро- сительно посмотрел на меня:

– Как вы догадались?

– Чисто случайно. Но если принять во внимание наш утренний разговор, потом моё посещение музея, кое-какие размышления и то, что я видел тебя с приятелями недалеко от развалин – это закономерно. Могу ещё предположить, что вы нашли какой-то новый ход в подземелья, но он никуда не ведёт. Так?

– Почти, – он снова принялся за бутерброд. – Есть про- ход в подземелья, но куда он ведёт я не знаю. Там темно, мы не смогли далеко пройти. Нужен фонарь, а его у нас не было.

– Расскажешь подробнее?

– Если вам интересно.

– Интересно. Только давай дожевывай быстрее и в душ. Если бабушка застанет тебя в таком виде...

– Ничего страшного, она привыкла уже.

– А вот это с твоей стороны бессовестно.

– Почему?

– Она уже старый человек, а ты каждый день являешься в таком виде, что глядеть страшно. Думаешь легко ей каж- дый день обстирывать тебя? Головой подумай. Хоть немно- го, но уважать труд старого человека тебе бы не помешало.

Тим смутился, неловко затоптался.

– Я же не нарочно... так получается...

– Понятно, что получается, но всё же аккуратнее быть ни-

кому не мешает. Зачем было сегодня лезть туда неподготовленными, даже без фонарика? Всё равно кроме самого входа вы ничего нового не нашли и не узнали. Нетерпение ваше понятно, но всё же надо хоть немного думать. Нашли вход, серьезно подготовились, взяли необходимое снаряжение, воду, запас продуктов – потом можно и в путь пускаться.

– Фонарик – это понятно. Зачем вода и продукты?

– Ты не знаешь разве, что в старинных замках, особенно в тайных подземельях, бывают хитрые ловушки? Вдруг вы попали бы в такую и застряли там? Или если подземный ход длинный и сразу до конца не дойдёте? А если там настоящий подземный лабиринт, в котором легко заблудиться? Что бы вы стали делать в таком случае? А на такой случай не мешает, чтобы хоть кто-то знал, куда вы направляетесь. Это для того, чтобы он поднял тревогу, когда вы не вернётесь в оговоренный срок, сообщил спасателям, где вас искать. Ну а минимальный запас воды и еды позволит дожидаться спасателей или помощи. Приключение отличается от авантюры тем, что оно должно иметь счастливый конец, а в авантюрах это бывает не всегда. Понимаешь, о чём я говорю?

– Понимаю... – кивнул Тимка.

– Мы поговорим с тобой об этом позже, а пока шёл бы ты быстрее в душ, пока бабушка не вернулась.

Он кивнул и скрылся за дверью в туалет, почти сразу оттуда донеслись звуки бьющих водяных струй и легкие повизгивания мальчишки. Похоже, что он влез под струю холод-

ной воды.

Войдя в комнату, я тут же наступил на разбросанные вещи. Улыбнулся, вспоминая свои подобные привычки в детстве, поднял футболку и шорты, намереваясь куда-нибудь убраться, чтобы не валялись под ногами. Пока размышлял, куда положить вещи, что-то выпало из кармана шорт и покатилося прямо под диван. Пришлось встать на четвереньки и шарить рукой под диваном. Рука нащупала плоский круглый предмет. Предмет оказался довольно крупной монетой. Какой-то король отчеканен с одной стороны почерневшей от времени монеты. По кругу бежали латинские буквы. На другой стороне монеты изображен всадник на лошади. В латах и с длинным копьём. Похоже – рыцарь. Под лошадью просматривались цифры – 1603. Ого! А монетке-то больше четырёхсот лет! Древняя вещица. Что в этих местах было в те времена? Кажется, всё ещё властвовал Тевтонский Орден. Значит не король, а кто-то из магистров этого ордена отчеканен.

Я повертел в руках монету и положил её на стол. Наверное, это та самая монета, которую, по словам Тима, оставил ему Юрген. Тим собирался показать её мне.

Пристроив грязные вещи на стуле, я вспомнил, что мальчишка ушёл в душ без белья и полотенца. Вчерашнее банное полотенце висело на холодной батарее отопления в комнате. Забрав его, я постучал в дверь, за которой плескался под душем Тим.

– Кто там?

– Я тебе полотенце принёс, а то опять будешь бегать по всему дому в неглиже да к тому же мокрым.

– Спасибо, я забыл о полотенце.

– Не за что. Тебе помочь не надо?

– Нет, я сам привык.

– Тогда мойся быстрее, мне не терпится услышать твои сегодняшние приключения.

– Ага, я быстро.

Я вернулся в комнату и включил ноутбук. Захотелось узнать о найденной монете как можно больше. Такую древнюю вещь мне ещё не приходилось видеть и держать в руках. Ещё бы – монета Тевтонского Ордена! О тех временах в голове не было ничего, кроме Ледового побоища Александра Невского. Вот и представился случай пополнить знания.

Всезнающий интернет выдал целую кучу фотографий разных монет того периода. Пришлось повозиться, пока нашел похожее изображение. Надпись над ним гласила: «Седисваканц Тевтонский орден 1 Талер 1603 год». Про талеры, что это такие монеты были, я слышал раньше. А вот что такое «седисваканц» было непонятно. Пришлось лезть в википедию, но и там прочитал, что это слово пока не переведено и я могу предложить свой вариант. Нормально! Слово употребляется, а что это такое никому не понятно. Ну, как я понимаю, это что-то типа названия монеты. Вот у нас, например, десятирублевку, хоть монету, хоть купюру, иногда

называют «червонец». Может и это название такое? Ну да бог с ним, с названием. Понятно, что это один талер. Стоил сейчас такой талер больше тысячи евро. Однако, мальчишка даже не представляет, какое богатство он таскает в кармане! Правда, чтобы убедиться в ценности монеты, её следовало бы отдать на экспертизу.

Размышления на нумизматическую тему прервал приход Тима. Он заявился, как и вчера, усиленно вытирая волосы и сверкая всеми остальными частями тела. Ни капли, негодник, не стесняясь, прошлёпал прямо ко мне и сунулся в экран ноутбука.

– Чего смотрите? А, монеты.

– Да. Пока ты купался, я решил посмотреть историю той монеты, что ты хотел показать мне. И, кстати, пора тебе отвыкать от привычки разбрасывать вещи где попало. Парень ты уже достаточно большой для этого.

– Я исправлюсь, – покладисто кивнул мальчишка. – Так что это за монета?

– О, брат, это старинный талер! – я взял монету и повертел в руках. – Смотри, какая она старая – 1603 год. Времена Тевтонского Ордена. Рыцари... замки... клады... В общем – времена, прямо скажем, романтические. «Дон Кихота» читал?

– Не-а. Это кто?

– Рыцарь печального образа. Дрался с ветряными мельницами, принимая их за драконов.

– Он что, того был? – Тим повертел пальцем у виска.

– В какой-то степени... Все свои подвиги посвящал прекрасной даме сердца.

– Это про любовь, что ли? Тогда не интересно.

– Много ты понимаешь... Так вот, значит, талер твой штука редкая, среди нумизматов – коллекционеров старинных монет, ценится дорого. Двадцать восемь граммов серебра весит. Вон, смотри, точно такую же монету продали больше чем за тысячу евро.

– Это же очень дорого!

– Да, дорого. Пересчитать на рубли – можно целых два компьютера тебе купить и ещё деньги останутся.

– Ого!

– Вот тебе и «ого», а ты его как безделушку в кармане шорт таскаешь, хоть соврал, что дома лежит и вечером покажешь. Он из кармана выпал, когда я твои шорты поднял.

– Ничего я не таскаю...

Тимка потянул ящик письменного стола, достал оттуда небольшую коробочку, а из неё – похожую на первую монету:

– Вот. Вот эту монету оставил мне Юрген.

Такого поворота я не ожидал. Взяв монету, рассмотрел её. По размерам и весу они были похожи, а вот чеканка совсем другая. С одной стороны четыре портрета, кажется детские, с другой – тоже четыре портрета, но другие. Дата на монете говорила о том, что отчеканена она в 1609 году. Интересный экземпляр!

– Ты, парень, как видно, любитель всяких сюрпризов, – покачав головой, глянул я на него.

– Ага, я такой, – не смутившись, кивнул нахалёнок. – А что за монета? Давайте посмотрим, может она тоже дорогая.

Полазив по страницам всемирной сети, мы определили, что вторая монета также является талером. Относилась она к разновидности так называемых «семейных талеров». Конкретно эта монета имела даже свое название – «ахтбрюдерталер». Серия монет Саксен-Веймарского герцогства, когда после смерти самого герцога остались восемь его сыновей. Вот портреты всех восьмерых и отчеканены на этой монете. Надписи по кругу перечисляли их имена. Всего эти монеты чеканились с 1607 по 1619 год, и выпуск их прекратился после того, как один из братьев умер. Всё это мы узнали, открыв по ссылке статью о монете.

– Офигеть, – выразился Тимка. – Это что, в те времена делали монеты какие кто хотел?

– В принципе – да. Многие герцоги имели право чеканить свои монеты. Только существовало правило, точнее закон, что эти монеты должны быть одного веса. Этот закон был принят многими герцогствами того времени, поэтому любая монета любого государства, если она соответствовала установленной весовой норме драгоценного металла, в данном случае – серебра, могла приниматься к оплате в других городах или странах на общих основаниях. Ну, примерно так, как

сейчас в Европе принимают евро к оплате во многих странах. Евро печатают и чеканят в Германии, Франции, других странах, но они все имеют одинаковую цену при оплате товаров в любой стране Евросоюза. Только печатают и чеканят сейчас все одинаковые купюры и монеты.

– А в те времена можно было делать разные монеты?

– Ну, да. Только чтобы они все весили одинаково, а что на них изображали – дело того, кто выпускал монету.

Сколько стоит на нумизматических аукционах семейный талер, нам найти не удалось. Тимка немного расстроился, но я успокоил его, что она наверняка стоит не меньше первого талера.

– Кстати, дружок, если у тебя была всего одна древняя монета, откуда взялась вторая?

– Нашёл сегодня в подполье...

Оставив меня у дверей городского музея, Тим побежал к приятелям, с которыми договорились встретиться. Первоначально они не собирались искать вход в замковые подполья, но так совпало, что наш с ним разговор о Юргене наложился на рассказ друга. Генка, так звали друга, рассказал, что ещё две или три недели назад он нашёл на чердаке, а жил он тоже в старом немецком доме, неприметную металлическую коробочку. В ней лежал «Железный крест» – немецкая награда времён войны, солдатский металлический медальон и несколько листов пожелтевшей бумаги, на которой что-то

было написано по-немецки. Генка хотел выбросить эти бумаги, но потом передумал и решил узнать, что там написано. Крест он оставил себе, а медальон и бумаги отдал отцу.

Отец заинтересовался, один из его сослуживцев, хорошо владеющий немецким языком, перевёл написанное. Оказалось, что это писал немецкий солдат в самом конце войны в дни взятия города советскими войсками. Сам он был родом из этого города и служил в подразделении, охранявшим мост через Неман. В один из дней, точнее – ночью, их подняли по тревоге. Казармы располагались недалеко от Тильзитского замка, в подземных галереях которого находились большие военные склады. Во дворе замка стояли несколько крытых грузовиков под охраной эсэсовской команды.

Несколько часов солдаты перетаскивали ящики в подземелье. Некоторые были очень тяжёлые, другие не очень. Что внутри не знал никто, ящики были заколочены и пронумерованы. Перетаскивали их в одну из самых дальних галерей и там складировали под наблюдением двух офицеров. Случилось так, что один из ящичков случайно упал и одна из стенок отошла, образовав щель. В свете тусклой лампы солдат увидел в эту щель угол рамы, в каких висят в музеях картины. Они с напарником развернули ящик таким образом, чтобы уже спешивший к ним офицер не заметил отошедшей стенки, иначе, они это почувствовали, им грозили большие неприятности.

Ещё солдата удивила сама галерея. Он и раньше бывал

в замковых подземельях, но об этой галерее не знал. Низкие своды, узкая, не больше метра в ширину, она несколько раз поворачивала и уходила дальше всех остальных галерей. Ход заканчивался большой комнатой, куда и носили ящики. Он даже посчитал шаги от входа в подземелье до той комнаты – получилось почти три тысячи шагов. От самой галереи в стороны шли несколько ещё более узких ходов. Может быть, это даже не ходы, а вентиляционные шахты, но по некоторым вполне можно передвигаться взрослому человеку. Всего солдат с напарником прошли этот путь три раза. Он писал, что в ту комнату сложили около сотни ящиков. Если учитывать, что он видел за отошедшей стенкой ящика, то получалось, что в галерее сложили произведения искусства, чтобы уберечь их от уничтожения в боях. Фронт приближался.

Особая секретность складированного подтвердились почти сразу. Двоих солдат, участвовавших в разгрузке, эсэсовцы арестовали и увели с собой. Больше никто тех солдат не видел. В подразделении шептались, что их расстреляли за то, что они неосторожно повредили один из ящиков и узнали, что там было. Шептались, что один из тех солдат сказал мимоходом, что там какие-то изделия из крупных кусков янтаря. Чтобы не повторить участь пропавших, они с напарником благоразумно решили молчать.

Когда уже шли бои за город, солдат снова попал в подземелья замка. Они с товарищами укрылись в них, спасаясь от артиллерийского огня русских. Там всего было в избыт-

ке – и оружия, и продовольствия. В минуту затишья солдат нашёл галерею, в которую они переносили ящики, но на его удивление она оказалась не длиннее остальных и упиралась в глухую стену сразу за одним из вентиляционных ответвлений. Никакой комнаты и ящиков.

Пока он бродил по галереям, бой возобновился с новой силой и в подземелье уже ворвались русские солдаты. Пришло время позаботиться о собственной жизни и он, бросив винтовку, спрятался в вентиляционном ответвлении. Этот ход тоже пару раз поворачивал, но солдат мог по нему передвигаться. Вышел он совершенно неожиданно для себя в подвал жилого дома недалеко от замка. Сориентировался. Совсем недалеко был берег пруда. Сражаться с русскими ему совсем не хотелось, и он, стараясь не попасть на глаза никому, отправился домой. Там он переделался в гражданское платье и спрятал свой солдатский жетон и документы. Занявшие город русские не заподозрили в нём военного, так как было ему только восемнадцать лет, а по внешнему виду и того не дашь. В общем, сошёл за старшеклассника, да ещё и в очках.

Солдат попытался ещё раз попасть в замковые подземелья и всё же найти ту комнату с ящиками, вдруг там кроме картин есть ещё что-то более ценное, но почему-то не смог найти тот дом с подвалом, куда вылез в день взятия города русскими. Он приходил к замку, ходил по рядом расположенным домам и подвалам, но никак не мог найти вход в тот

вентиляционный штрек, по которому выбрался из подземелья. Он помнил, что дом этот между замком и городским прудом, но точно какой не запомнил. Не до того ему было в тот день. А потом стало ещё сложнее с поисками – русские налаживали в городе свой порядок и свои законы. Решив отложить поиски, солдат записал всё на этих листках и спрятал на чердаке своего дома.

Вот эту историю из записок немецкого солдата рассказал ему Генка. Подземелье и таинственный вход в него, что солдат не смог найти снова, каким-то образом связался в голове Тимки с исчезновением Юргена, когда туман начинает развеиваться. «Там исчезает, тут не находится – всё это как-то связано», – решил Тимка. Они с друзьями поговорили и тут же решили проверить то, что написано в записках. С чисто мальчишечьей уверенностью они просто пошли искать тот самый вход в подземелье. И что самое интересное – нашли! Нет, они не нашли именно тот вход, о котором писал солдат. В подвалы домов они попасть не могли, никто не пустил бы туда посторонних мальчишек. В одном из дворов недалеко от замка они увидели металлический «пенал». Их стояло достаточно много в разных частях города. Для чего они предназначались при немцах было не очень понятно. Многие считали, что это было равнозначно тому, что у нас называлось «постовым грибокком». В этом строении спокойно мог уместиться взрослый человек – например, постовой солдат. Он защищал от дождя, но вид из него открывался толь-

ко в одну сторону. И для часового это как-то сомнительно. В общем – такой пенал-грибок стоял в одном из дворов.

Мальчишки прошли рядом и, естественно, заглянули в него – ничего примечательного, как и в других подобных сооружениях. Но вот обойдя его Генка вдруг споткнулся. Из травы газона за постовым пеналом торчала какая-то железяка. Они так бы и ушли (мало ли какие железки торчат из земли!), но впечатления от рассказа ещё не выветрились из голов. Вооружившись подручными средствами, они вскоре освободили от травы и небольшого слоя земли место вокруг железяки, о которую споткнулся Генка. Их взорам предстала круглая металлическая крышка, прикрывавшая что-то. Это логично, ведь если есть крышка, то она прикрывает что-то: например вход в колодец. Небольшая, около полуметра крышка была явно старая, не современная. На ней даже можно разобрать немецкие буквы. Сердца мальчишек усиленно забились в предвкушении чего-то таинственного.

Им пришлось повозиться, прежде чем они смогли поднять крышку. Повезло в том, что небольшой задний дворик был с двух сторон окружён высокими каменными заборами, а с третьей – глухая стена дома. Вдоль заборов высокие заросли полыни и крапивы, сам двор завален каким-то мусором. В общем – место заброшенное и не проходное. Никто не остановил их, пока они возились во дворике. Используя кусок старой трубы, найденный тут же во дворе как рычаг, они подняли крышку.

Вниз уходил колодец не больше метра в диаметре. Стены выложены кирпичом с торчащими скобами лестницы. Дневной свет из открытого люка не доставал до дна. Спуститься отважились двое – Тимка и Генка, третий мальчишка остался наверху. Скобы ступеней торчали из стены на расстоянии тридцати-сорока сантиметров одна от другой. Тим насчитал их тридцать две, значит, спустились они примерно на десять метров. Когда ноги коснулись пола, Генка стал подсвечивать вокруг своим мобильником. Свет был не ахти какой, но так было меньше страшно. Внизу было сыро. Со сводчатого потолка, уходящего в темноту подземного хода, местами капала вода. Они рассмотрели, что стены и потолок выложены камнем или кирпичом. По потолку тянулись провода – когда-то тут было освещение. Придерживаясь стены, прошли вперёд не очень далеко, уже через два десятка шагов подземный ход раздваивался. Они не решились свернуть в какую-нибудь сторону, боясь потеряться. Посоветовались и пошли обратно, придерживаясь уже другой стороны хода. На этой стене они обнаружили держатели для факелов и даже наступили на один факел, мгновенно рассыпавшийся в труху. Под одним из держателей была ниша в стене. Посветили туда. В глубине что-то лежало. Не сразу отважившись, Генка протянул руку и достал это что-то. В руках его оказалась небольшая металлическая статуэтка всадника на лошади. Пошаривший вслед за ним в нише, Тим вытащил оттуда два металлических кружка, оказавшиеся монетами. Одну

из них он отдал третьему приятелю, остававшемуся наверху, вторую оставил себе. Пока они там, внизу, рассматривали статуэтку и монеты, вдруг послышались в темноте подземелья чьи-то шаги. Мальчишки испугались. Они бросились к колодцу и пулей выскочили наверх, чуть ли не взлетев по ступенькам. Уже наверху долго прислушивались и всматривались в темноту колодца, но больше ничего не услышали и не увидели. Рисковать второй раз не стали и вернули крышку на место, завалив её старыми досками, валявшимися в дворике и другим мусором. Только наверху, оглядев себя, увидели, как успели извозить одежду, хоть вроде бы ничего особо не касались. Договорились никому не рассказывать о своём открытии.

– Если вы договорились молчать, почему ты всё рассказал мне?

– Вам можно.

– Почему это?

– Вы – свой.

Опять он удивил меня. Я вопросительно воззрился на него, ожидая разъяснений. И они последовали:

– Вы, хоть и старый снаружи, но всё равно не такой...

– В каком смысле «не такой»?

– Не такой, как все взрослые.

– Спасибо за комплимент, конечно, но с чего ты это взял?

– Будто сами не знаете...

– Хотелось бы услышать твою версию.

– Ладно, сами запросились... Вы не такой, как остальные взрослые, потому что на самом деле вы всё ещё сами мальчишечка. На самом деле вы такой же, как я или на год или два меня старше, но не больше...

Вот это выдал! Я обалдел не на шутку. Всё что угодно ожидал услышать, но не такое! Мысли галопом заскакали в голове. Конечно, любой человек с возрастом желал бы на время вернуться в детство, но чтобы дети заявляли взрослым, что они не старше их – такого я не встречал даже в литературе. Хотя, если взглянуть с другой стороны, разве не я писал, что хотел бы проснуться поутру мальчишкой? Неужели он знает про те стихи? Это вряд ли. Тогда почему он так сказал? Да, я многое бы отдал, чтобы снова оказаться мальчишкой... Но Тим... Как это возможно? Неужели он может читать самое сокровенное?

Стараясь сохранить невозмутимый вид, я выдавил всего одно слово:

– Почему?

– ПОТОМУ ЧТО! – с нажимом произнёс Тимка. – Тебя... ой, вас, сразу видно, какой вы на самом деле – меня не обманете.

Я понял, что более толкового объяснения не добьюсь. Мало ли какие ассоциации могли возникнуть в голове ребёнка после нашего общения. Но мне было приятно, что он таким вот необычным образом признал меня за своего. Чтобы сохранить солидность я помолчал и покачал головой, хотя

внутри хотелось смеяться, как мальчишке.

– Знаешь, может быть я внутри и такой, как ты говоришь, но, даже если бы сейчас уменьшился до твоих размеров, то, по крайней мере, не стал бы бегать по дому сверкая голой попой, как это делают некоторые без всякого стыда.

– Подумаешь... – дернул плечом Тим. – Между своими можно и так... ничего особенного...

– Да оденься же ты, наконец! Сейчас бабушка придёт, ругаться будет. Я в душе, может, мальчишка, а снаружи всё-таки взрослый и если понадобится, то и всыпать могу!

– Чем? Подтяжками? У тебя даже ремня нет, – заявил этот нахалёнок.

Я уже собрался, было, шлепнуть его по мягкому месту, но он отпрыгнул и, издевательски хихикнув, показал мне язык. Тем не менее, дошёл до шкафа и оделся.

– Теперь доволен? – заправив футболку в трикотажные шортики, спросил он.

– Вполне, – ответил я, пропустив мимо ушей уже во второй раз фамильярное обращение к себе.

4. Гроза

После ужина мы с Тимом больше часа лазили по интернету, рассматривали фотографии старинных монет и читали о них. Увлекательное, оказывается, это дело. Многие старинные монеты имели свою историю, порой очень интересную. Хотя бы тот же талер восьми братьев. Порой эти истории были романтическими, порой – трагическими. Но даже они вскоре надоели. Видя, что мальчишка начал скучать, я уступил ему место за ноутбуком, показав папку с набором игр. (Сам иной раз, как мальчишка, играл в какую-нибудь игру, грешен...) Через несколько минут от стола стали доноситься залпы корабельных орудий – Тим вступил в бой с эскадрой противника.

Оставив его, я переместился в комнату хозяйки, с которой мы мило побеседовали обо всём сразу и ни о чём одновременно, смотря по телевизору новости. Хозяйка при этом ещё успевала гладить выстиранные вещи. После новостей начался какой-то фильм, и мы некоторое время смотрели его, затронув в беседе тему современного кинематографа – однобокий он стал. Ну, в смысле все фильмы похожи один на другой – если не бандитские разборки, то героические полицейские во всех ракурсах и с любой стороны, перемежающиеся, время от времени, постельными сценами, которые в былые времена ни за что не показали бы.

В комнату вошёл Тимка и тоже уселся смотреть фильм.

– Что так быстро наигрался? – поинтересовался я.

– Меня утопили четыре раза.

– А ты хотя бы одного?

– Не-а, не пошла игра...

– Бывает.

Он сидел и смотрел телевизор, но вид был такой, будто он ничего не видит. Задумчивый вид. Интересно, о чём он думает?

– А не пойти ли нам прогуляться? – предложил я. – Подышим свежим воздухом перед сном. А, Тимофей? Как считаешь?

– Куда?

– Да хоть во двор спустимся и посидим, подышим. Спать ночью будем крепче.

– Можно... А вы расскажете какую-нибудь историю? А то всё только обещаете...

– Так и быть, что-нибудь расскажу.

Мы спустились во внутренний дворик.

– Где устроимся? На скамейке старичков или на другой?

– Я не молодой, а ты до второй скамьи не дорос пока. Давай тут, под сиренью. Вдруг другая понадобится кому-то помоложе меня и постарше тебя, а место будет занято – нехорошо получится.

Я устроился на скамейке, он сел рядом.

– Ну, начинайте, – после недолгого молчания, произ-

нёс Тим.

– Хочешь, значит, послушать какую-нибудь историю?
А про что?

– Что-нибудь интересное.

– Ну, брат, в моей жизни много чего интересного было. Только вот интересное для одного человека может оказаться скучным для другого. Ума не приложу, чего тебе рассказать.

– Что-нибудь такое, чтобы с приключением...

– Приключения любишь? А какие? Ты сам-то читать любишь?

– Читаю иногда.

– Иногда... И что же прочитал в последний раз?

– «Землю Санникова». Как раз перед каникулами закончил.

Ого! Достаточно серьёзная книга для десятилетнего мальчика. Я с уважением посмотрел на него:

– Понравилась книга?

– Да, только жалко их всех. Всё племя же погибнет, замерзнет. Там вокруг их острова кругом сплошные льды – север, в общем.

– Да, ты прав. Оазис их мира основывался на тёплом озере, что подогревался вулканом.

– Да, не повезло им. А как вы считаете, такое место есть на самом деле?

– Вопрос сложный. На современных картах такого острова на севере нет, но в старые времена путешественники ви-

дели вдаль, за льдами, горы и острова. Сейчас их видения склонны объяснять оптическим миражом, но не всё так просто, как кажется.

– Мираж – это когда видишь то, чего нет на самом деле. Проще говоря – глюки.

– В большинстве случаев – да. Но миражи бывают разные. Иногда это на самом деле оптическое явление, но в иных случаях бывает и нечто другое, чему человек пока не в состоянии дать разумное объяснение.

– А если не оптическое, то какое?

Мне вдруг стало понятно, о чём вести с мальчишкой разговор. Какие ему ещё рассказы о приключениях, когда он сам уже по уши в приключении.

– Давай вернёмся к легенде, что ты рассказал мне утром, и к тому случаю на берегу, когда ты видел чужого мальчика.

– Юргена?

– Юргена. Вот вспомни легенду и рассказы других ребят. Они видели его? Видели! А куда он уходит и откуда появляется никто не знает и не видел.

– Я сам его видел и слышал.

– Верю! Ты и видел Юргена, и слышал, как он звал тебя. Он даже оставил тебе монету в обмен на мячик. А откуда он появился?

– Из тумана.

– Из тумана появился, в туман ушёл. А был ли мальчик? Ты уверен, что он не приснился тебе?

– Совсем не приснился! – вскинулся Тимка. – Я на самом деле его видел!

– Так куда он потом делся? Растворился в тумане?

– Не знаю... – он опустил голову, – но он был, я его видел.

– Успокойся, я тебе верю. Но что это было на самом деле?

Откуда он появился? Откуда появляется каждый раз, когда его кто-то видит?

– Не знаю, – повторил Тимка. – Говорят, из прошлого приходит или из другого мира.

– Из прошлого... Иногда люди видят картины из прошлого или даже из будущего. Вот сидят, как мы с тобой, где-нибудь на речке, а на другом берегу вдруг проходит, скажем, отряд древних воинов на лошадях с мечами и копьями. Или прямо ниоткуда появляется деревня с домами и людьми. Потом всё вдруг исчезает, как ничего и не было. Такие видения называют хрономиражами.

– Хроно?

– Мираж во времени. Когда-то давно в том месте прошёл отряд древних воинов, или стояла деревня, которой уже давно нет на этом месте. Но существует такое понятие, как «память земли».

– Это как?

– Наша Земля – очень сложное образование. Мы о ней мало чего знаем, хоть и живём много тысяч лет. Она всё помнит, как будто записывает в свою память всё, что произошло на этом месте когда-то. Иногда складываются такие условия,

атмосферные или физические, когда эти картинки из прошлого могут проявляться прямо в воздухе, и люди их видят.

– Здорово! Так можно увидеть всё, что было когда-то давно?

– Ну, всё или не всё не знаю, но явления такие бывают. Один учёный изобрёл специальный фотоаппарат, которым можно сфотографировать картины из прошлого. В этом фотоаппарате линзы объектива изготовлены из специального материала, кажется – горного хрусталя. Он устанавливал свой аппарат, фотографировал какую-нибудь поляну, а потом на фотографиях было видно, как солдаты бегут в атаку на этом самом месте. Или появлялось что-то другое, чего на самом деле сейчас там не было.

– Правда?

– Зачем мне тебя обманывать? Конечно, правда. В интернете можно найти информацию об этом и проверить.

– Я верю.

– Но вот случай с Юргеном к хрономиражу отнести сложно. Скорее всего, это явление другого рода, к миражам отношения не имеющее. Тут, кроме визуального изображения, присутствуют звук и даже обмен материальными предметами. Это уже не мираж.

– Конечно не мираж, ведь он настоящий.

– А если он настоящий, да ещё похож на мальчика из прошлого, то тут, скорее всего, где-то рядом с озером есть хронопереход. По-другому говоря – искривление простран-

ственно-временного континуума. В таких местах его реальность и наша находятся так близко одна от другой, что при определённых условиях соприкасаются своими «стенками». В местах таких соприкосновений и открывается переход между ними. Вот по такому переходу, скорее всего, приходит Юрген в наше время, и так же уходит обратно.

– Но почему тогда мы не можем пойти в его время, если он может прийти к нам?

– Мы тоже можем, если окажемся в нужном месте в нужное время. Для этого желательно знать, в каком месте происходит соприкосновение реальностей. Обычно это совсем небольшой проход, может, всего несколько метров или шагов. Человек может даже не заметить, как пройдёт через такой проход, ведь там нет ничего необычного.

– Как это «не заметить»? Он с закрытыми глазами идёт, что ли?

– Нет, с открытыми. Вот представь себе этот двор, где мы сейчас сидим. Вокруг него дома старые, построенные ещё тогда, когда город не был нашим и жили тут немцы. Скажем, лет семьдесят назад в комнате, где ты живёшь, жил немецкий мальчик или девочка. Сам дом не изменился с тех пор, не изменились и другие дома вокруг, а, следовательно, этот самый дворик был на этом месте и в те времена.

– С такими же скамейками и песочницей?

– Возможно, но не обязательно. Может, тут что-то другое стояло вместо скамейки, например – качели. Важно не это,

а то, что дворик остался на своём месте. Вот если мы сейчас с тобой пойдем к другой скамейке, что под каштаном, то ничего не случится – дойдем до неё и сядем там. Но если в этом месте в это время соприкоснутся две реальности, то мы, пройдя через двор, тоже можем сначала ничего не заметить, а вот если потом пойдем на улицу, то окажемся совсем в другом городе.

– В каком другом городе?

– Скорее всего, в этом же самом, но только лет на восемьдесят назад. По улицам будут идти немцы в одеждах того времени, ездить старинные машины, или лошади. Это тот же город, только много лет назад.

– Разве так бывает?

– Бывает. В том же интернете можно найти много статей о хронопереходах. Они могут случиться в любом месте, но всё-таки, я думаю, для возникновения такого перехода, кроме близкого расположения реальностей, нужны ещё дополнительные условия.

– Какие?

– Никто этого не знает. Но вот почему-то очень часто в местах хронопереходов наблюдается простое природное явление – туман. Туман, дружок, вообще очень удивительное явление само по себе. Хоть учёные этого не признают, но, по моему, туман – это четвёртое состояние воды, наделённое какими-то особыми физическими свойствами людям неизвестными. Кто знает, но, возможно, именно туман являет-

ся тем дополнительным элементом, что активизирует места хронопереходов. Проще говоря – туман – это ключ, открывающий дверь межпространственного перехода. Косвенное доказательство моих слов – ваш Юрген, он тоже появляется только из тумана и уходит в туман.

Я ожидал очередного вопроса, но Тим молчал. По его лицу я видел, какая работа мыслей сейчас происходит в его голове. Даже пожалел, что рассказал всё это, опасаясь, как бы чего не вышло с мальчишкой. А он сидел и продолжал думать, машинально натягивая на голые колени подол длинного свитера, что заставила надеть Вера Сергеевна перед нашим выходом на улицу. А вокруг и в самом деле стало прохладнее обычного. Взглянув вверх, я увидел вместо чистого голубого неба, что висело над головой весь день, быстро бегущие облака. Часть из них были серого цвета. Подумал, что к ночи может и дождь пойти.

– Тим, с тобой всё в порядке?

Я дважды повторил вопрос, прежде чем он среагировал и поднял на меня глаза.

– Дядь Вить, а если пойти вслед за Юргеном когда он будет уходить, то можно попасть туда, где он живёт?

– Теоретически возможно, – кивнул я и тут же поспешно добавил: – только делать это не надо.

– Почему?

– Ты случайно, ненароком, можешь изменить весь мир и вернуться совсем в другой, а не обратно домой.

Глаза его удивлённо расширились. Он молчал, но по взгляду было видно, что очередной вопрос вертится на его языке. Пришлось помочь.

– Не сверли меня взглядом – дырку сделаешь, задавай свой вопрос.

Я ждал услышать обычный в таких случаях вопрос «как» или «почему», но Тим спросил совсем другое.

– А тот, кто приходит из прошлого в будущее, может изменить мир?

Я не сразу нашёлся с ответом. Ну, не думал, что вопрос окажется таким.

– Честно говоря – не знаю. Понимаешь, наше прошлое уже состоялось, основные события и даты мы знаем и всё это называется одним словом – история. Чтобы наша история осталась такой, какой мы её знаем, ничего в прошлом менять нельзя. Если ты или я отправимся в прошлое и что-то там сделаем, то история может пойти совсем по-другому. Например, мы попадем с тобой, скажем, на сто лет назад и принесём с собой сотовые телефоны. Найдем учёных и покажем им их устройство, расскажем принцип работы. Что тогда может случиться?

– Тогда сотовый телефон изобретут в те времена? Ну и что из того? Они же у нас всё равно есть.

– Скорее всего, именно в том году ничего не изменится, потому что в те годы сделать его попросту не смогут. Нет там ещё таких технологий. Но если останутся записи, то, вполне

возможно, что сотовый телефон будет изобретен на несколько лет раньше. Это изменит нашу историю? Вполне возможно, но не вероятно. А вот если там, в прошлом, из-за нашего пребывания кто-то опоздает на свидание с любимой девушкой? Что может быть в таком случае?

– Встретятся на следующем свидании и всех делов.

– Не уверен. Парень не явился на свидание, девушка обиделась и больше не захочет с ним встречаться. А если они не встретятся, то не поженятся. А не поженятся, то у них не родятся дети. И не только их дети, но и дети их детей, и следующие за ними. Понимаешь?

– Ну, другие рождаются.

– Конечно, но это будут совсем другие люди. Нырнем в прошлое поближе, например, в год, когда познакомились твои мама и папа. Мы попадём в то место, где должны были встретиться в первый раз твои родители и каким-то образом помешаем им встретиться – что произойдет тогда? Если они не встретятся и потом не поженятся, то на свет не появишься... ты. Нет, конечно, вероятность их встречи в другой раз всё равно остаётся, но ход событий уже нарушен и может пойти совсем по другому пути. Возможно даже и то, что ты всё-таки родишься, но... необязательно это будешь именно ты.

– Как это? Они же мои папа и мама.

– Но их прошлое изменено и, соответственно, может измениться и будущее. Вдруг окажется, что у них родится

не мальчик Тима, а девочка Таня. Ты хочешь быть Таней?

– Нет, не хочу! Мне и так хорошо.

– Вот поэтому и нельзя ничего нарушать в прошлом. Такая ситуация, когда ненароком кто-то изменяет мир, называется «эффектом бабочки».

– Почему именно бабочки?

– Есть такой рассказ, когда человек, отправившись на экскурсию в далёкое прошлое на миллионы лет назад, случайно раздавил там обычного мотылька, то есть бабочку. Когда он вернулся обратно, мир из-за этого стал совсем другим.

– Из-за простой бабочки?

– Ну да. В природе нет ничего лишнего. Наступив на неё, турист убил её раньше времени, когда ей предстояло умереть или быть съеденной какой-нибудь птицей. Естественный ход событий был нарушен и из-за этого волна нарушений пошла дальше и дальше, а в итоге мир будущего изменился до неузнаваемости.

Тимка сорвал листик сирени, повертел его в руках, свернул в трубочку.

– Это если путешествовать в прошлое, а я спросил наоборот – если из прошлого в будущее приходят, то мир изменяется?

– Наверное, всё-таки, да, изменяется. Только, как и что – мы с тобой не узнаем.

– Почему?

– Потому, что наше время, в котором мы живём, оно

не прошлое и не будущее, оно – настоящее. Мы не можем узнать, как пришелец из прошлого в наше настоящее может изменить наше будущее. Его ещё нет, нашего будущего. Оно будет завтра, через час или через год – всё равно. Мы не можем знать, что будет, потому что этого ещё не было, ничего не случилось. А когда придёт будущее, хоть через час, хоть через год или сто лет – оно автоматически становится настоящим. А всё, что происходит в настоящем – уже становится историей. Наверное, я запутанно всё объясняю, да?

– Нет, мне понятно. Значит, если мы встретим Юргена и поговорим с ним, или даже что-то сделаем, это не разрушит наш мир?

– Нет, ведь всё это на момент действия является настоящим, а не прошлым.

– Это хорошо, – как-то задумчиво кивнул Тима и замолчал.

– Вот такой экскурс у нас с тобой получился в высокие материи вместо весёлой истории, – чуть виноватым голосом сказал я. – Ты хотел что-то другое послушать, а получилась целая лекция.

– Ничего, это было интересно.

– Ну, тогда хорошо. По крайней мере, эти знания для тебя лишними не будут. А сейчас уже прохладно становится, пойдем домой. Наверное, ночью дождь будет.

– Пойдёмте... хотя, нет... давайте пройдем немного по улице.

– Зачем?

– Просто так.

Мы прошли через проходной подъезд и вышли на улицу. Перед тем, как ступить на тротуар, он остановился, медленно оглядел всю улицу, а потом, неожиданно для меня, сунул свою ладошку мне, крепко сжал её, потянул вперёд. Я удивился, но ладошку его не выпустил. Так мы и шли по немногочисленной вечерней улице, держась за руки. Молча и никуда не спеша. Лицо мальчика было серьёзным, он осматривал улицу так, как будто видел её впервые. Так мы дошли до перекрёстка, постояли, и он потянул меня в обратную сторону. У подъезда остановились, и он снова окинул взглядом всю улицу.

– Тим, что ты сейчас представлял или видел, пока мы гуляли? – негромко спросил я.

Он вскинул на меня глаза, удивился, словно видел впервые, потом улыбнулся:

– Да так, ничего особенного, разве только деревья были поменьше.

– В каком смысле? – не понял я.

– Ну, в те времена, когда тут ещё жили немцы. Дома такие же, улица тоже, а вот деревья были другие – не такие старые.

– А люди?

– Люди как люди, самые обычные.

Что-то такое я и предполагал, задавая свой вопрос. После

нашего разговора во дворе воображение мальчишки разыгралось, вот он и решил представить (а, может, проверить?) свою улицу несколькими десятками лет назад. Похоже, это ему удалось, иначе он не сказал бы про деревья, которые, в самом деле, в те времена ещё не были такими большими.

Перед сном я решил немного поработать и сел за ноутбук, включив настольную лампу. Тим уже спал, разметавшись во сне и сбросив простыню на пол. С полчаса я набивал текст, стараясь не упустить ни одну казавшуюся мне значимой мысль из сегодняшнего вечернего разговора и дневных размышлений – пригодятся когда-нибудь. Пока ещё не знал, но чувствовал, что всё это может вылиться в хорошую историю. Я почти закончил записывать, как за окном сверкнуло и оглушительно грохнуло. Впечатление такое, что гром ударил над самой головой. От неожиданности я непроизвольно вздрогнул. В окно тут же ударили тугие струи дождя. Несколько дождевых капель через открытую форточку мгновенно появившийся ветер докинул до меня. Поднявшись, я поспешно прикрыл форточку. У окна задержался, пытаюсь разглядеть, что делается на улице.

– Отойдите от окна! – раздался позади испуганный голос. – Пожалуйста...

Тимка сидел, вжавшись в угол дивана. Он явно был напуган. Сжался в комок, втянул голову в плечи, руки прижаты к груди...

– Тим, ты боишься? – спросил я, не сдвинувшись с места.

– Да отойдите же от окна! – снова вскрикнул мальчик.

Иногда дети боятся грома и молний, такое бывает. Я сам в детстве побаивался близкой грозы. Побоялся, правда, до школы, но я – это я, а он – это он. У каждого в детстве свои страхи.

Новый удар грома за окном заставил мальчишку вздрогнуть всем телом. Я быстро подошёл к нему и сел рядом. Он прильнул ко мне, прижался. Дрожь сотрясала его тело.

– Это просто летняя гроза, – я обнял его, пытаюсь успокоить. – Она быстро пройдёт.

Он тоже обхватил меня руками, вздрагивая при каждом очередном ударе грома.

– Не надо бояться, Тим. Если бы мы были где-нибудь в открытом поле или на воде в лодке – тогда у нас была бы причина опасаться грозы, но мы с тобой под надёжной крышей в хорошем крепком доме. К тому же, все дома снабжены громоотводами. Нам ничего не угрожает.

Так я пытался успокоить мальчишку, повторяя на разные лады одно и то же, а он продолжал дрожать при каждом следующем разряде. Тогда я подумал, что, возможно, отвлеку его другими словами. Разряды грома постепенно стали отдаляться, и это играло мне на руку.

– Слушай, Тим. Это только кажется, что гром гремит очень близко, но на самом деле он далеко отсюда.

– Правда? – впервые ответил он.

– Да. Хочешь, я научу тебя определять, как далеко от нас находится центр грозы? Это совсем не сложно.

– Правда? – повторил Тим.

– Честное слово. Только это надо делать с открытыми глазами. Открывай, не бойся.

Он перестал обнимать меня, но всё же обеими руками вцепился в мою руку.

– Смотри на окно. Когда блеснет очередная молния, начинай считать секунды. Когда до нас долетит звук грома, то мы сможем вычислить, как далеко от нас проходит центр грозы. Понял меня?

– Да...

Ждать очередного разряда пришлось не долго. За окном в очередной раз сверкнуло.

– Двадцать один, двадцать два, двадцать три... – спокойным голосом я начал отсчёт.

Гром долетел до нас на седьмой секунде.

– Семь секунд, – бодрым голосом констатировал я, – умножаем грубо на триста и получается две тысячи сто. Это значит, что этот гром и эта молния от нас с тобой на расстоянии два километра и сто метров. Видишь, как это далеко? Так что нам совсем нечего бояться.

– Почему два километра?

– По законам физики. Скорость света и скорость звука разные. Вот за счет разницы в них мы можем вычислить расстояние.

– Но почему? Гром – это одно, а молния – другое.

– Нет, Тима, это одно и то же. Гром – это последствие разряда молнии. Гром появляется одновременно с молнией.

Только молнию мы видим сразу, потому что скорость света триста тысяч километров в секунду, а звук до нас долетает позже, он отстает от света – его скорость всего триста метров в секунду. Дальше простая арифметика. Всё просто и не так страшно, когда знаешь, как и что происходит.

Он уже не дрожал. При очередной молнии сам стал отсчитывать секунды. Получилось девять секунд. Подсчитав, сказал:

– Две тысячи семьсот. Ещё дальше.

– Ну да, гроза отдаляется. Вон и дождь уже не такой сильный, как сначала.

Он уже успокоился и отпустил мою руку. Поерзав, потянул подол сбившийся ночной рубашки пониже. Страх уступил место стеснительности. Набравшись смелости, он вместе со мной подошёл к окну, и мы постояли, смотря на пустую ночную улицу, которую продолжал поливать уже спокойный дождь. Молнии продолжали ещё разрывать ночное небо, но всё реже и дальше. Взглянув на часы, я удивился – прошло всего пятнадцать минут с начала грозы. Впрочем, я же сам говорил Тиму, что летние грозы короткие.

– В следующий раз ты вот так считай, как далеко от тебя идет гроза, и страха не будет. Страх всегда меньше, когда ты занят каким-то делом. Любое занятие отвлекает от страха и человек о нём забывает. Это относится не только к грозе. Ну, больше не боишься?

– Уже нет.

– А, вообще, почему ты грозы боишься?

– Ну... я молнии боюсь. Говорят, что бывают такие шаровые молнии, которые в грозу в окно залетают. А если кто-то стоит у окна, то он их к себе притягивает. Ты... вы стояли у окна и могли притянуть... я испугался...

– Только этого? А мне показалось, что ты и грома испугался.

– Да... немножко... уж очень сильно грохотало...

Он поднял на меня глаза и улыбнулся, как мне показалось в блике далёкой молнии – робко, уже стесняясь за свой недавний страх. Я ободряюще положил руку на его плечо и, наклонившись к самому уху, прошептал:

– Знаешь, а я тебе даже завидую.

– Почему? – так же тихо спросил он.

– Ты можешь вот так спокойно испугаться, когда тебе страшно, и тебя не волнует, что об этом подумает кто-то другой. Тебе можно засмеяться не только когда все смеются, а просто когда хочется, или заплакать, когда больно или обидно. А мне, взрослому, многое из этого недоступно. Надо держать марку солидного человека: сохранять серьёзное лицо, когда хочется смеяться; улыбаться, когда хочется плакать от обиды; наоборот – смеяться, когда не смешно, а все почему-то смеются. Да и вообще – ты спокойно можешь залезть на забор или на дерево и тебе никто ничего не скажет, а попробую это сделать я – представь, что вокруг начнётся! В лучшем случае полиция оштрафует, а в худшем сочтут ме-

ня сумасшедшим. Ты можешь спокойно зимой поваляться в сугробе, и все только будут улыбаться, а если я попробую сделать это? Скажут, что я или пьян, или опять сумасшедший. Нет, Тим, я тебе завидую – тебе можно много всего, чего уже нельзя мне. Ты – счастливый человек! Знаешь, если бы была возможность, я бы с удовольствием с тобой поменялся. А гроза... все грозы проходят и забываются.

Тимка тихо рассмеялся:

– Вы бы хотели снова стать маленьким?

– Не совсем уж маленьким, а вот таким, как ты или на год-другой старше.

– Смешно. Опять надо будет ходить в школу и подчиняться взрослым. И спать рано ложиться.

– Ну, братец, школа или рано спать – это не самые неприятные вещи на свете. Ты, вот, наверное, хочешь быстрее вырасти?

– Да.

– А вот вырастешь, и в один прекрасный день снова захочешь стать мальчишкой. Честное слово – так и будет. Когда-нибудь ты вспомнишь наш разговор и поймешь, что я прав. Давай-ка спать, а то завтра до обеда проспим.

Как когда-то своих детей, я взял Тима на руки, отнёс на диван и уложил, укрыл простыней.

– Спи. Надеюсь, сказку тебе на ночь рассказывать не надо.

– Надо. Расскажи... те... Вы обещали.

– Поздно уже. Завтра расскажу.

– Вчера тоже так говорили. Ну, хоть немножко.

Делать нечего – обещал, значит надо выполнять. Но что ему рассказать? Явно не сказку про колобка. Подумав, я начал рассказ о туристическом походе ребят и что с ними случилось. Проще говоря – короткую версию повести «Ворон Тёмного урочища». Ну не пришло ничего другого в голову. Дошёл до вечерней рыбалки на озере и заметил, что Тим уже спит. Ну и слава богу. Пусть спит. Страхи, даже детские, высасывают силы из человека, а ему сегодня досталось. «Ничего, – подумал я, – вот выспишься, и все страхи забудутся. В детстве всё просто».

Устраиваясь на своём диване, уже почти засыпая, подумал, что всё-таки было бы здорово однажды утром проснуться опять двенадцатилетним пацаном. Эх, сколько можно было бы тогда сделать без оглядки на пресловутый «жизненный опыт»! Жаль, что это только мечты. С этой мыслью я и заснул.

5. Тильград

Когда я проснулся, Тима уже не было. Накормившая меня завтраком Вера Сергеевна сказала, что он «умотал куда-то сразу, как встал, даже не позавтракал».

– Не сказал ничего? – удивился я.

– Что-то говорил, что надо срочно, пока туман не рассеялся.

– А что, утром был туман?

– Да, был. Совсем недавно развиднелось.

– Ночью гроза была. Он проснулся и испугался.

– Это да, он побаивается в грозу один оставаться. Обычно ко мне бежал сразу.

– На этот раз мы с ним вместе грозу пережили. Думаю, он теперь станет меньше бояться.

– Он вам не надоедал? А то ведь он приставучий.

– Нет, всё хорошо. Мне даже интересно с ним общаться – как будто сам моложе становлюсь.

– Ну-ну... Некоторые мужики до старости мальчишками остаются. Похоже, вы из таких, хоть по виду не скажешь.

– Внешность, порой, обманчива, – улыбнулся я.

– Да ладно, я вижу, что вы с ним общий язык нашли. Вон, вчера весь вечер под сиренью о чём-то говорили.

– Говорили мы, Вера Сергеевна, о параллельных мирах и машине времени. Ваш внук очень интересуется этими во-

просами.

– Господи! Ну, он-то понятно – дитё, а вы, взрослый человек, и тоже в эти фантазии верите?

– Дети должны фантазировать – это нормальное явление. Может он вырастет великим писателем-фантастом? Как Герберт Уэллс или Кир Булычёв. Напишет много интересных книжек или станет великим изобретателем и сделает самую настоящую машину времени. Кстати, ученые уже не утверждают, что это невозможно.

– Машину времени! Скажете ещё! Фантазии всё это.

– Я не собираюсь вас разубеждать. Но вспомните себя в его возрасте – разве вы не мечтали о чём-то подобном? Наверняка мечтали. А теперь пришло его время мечтать и фантазировать. А вдвоем мечтать и фантазировать интереснее, так почему мне не пофантазировать вместе с ним? Ни к чему плохому это не приведёт, а вот развить воображение, понять вопрос шире – вполне возможно. По крайней мере, это полезно для общего развития.

– Лишь бы фантазии не зашли слишком далеко.

– Не думаю, что этого стоит опасаться. В его возрасте интересы меняются быстро. Сегодня ему интересно одно, завтра другое. Детство – есть детство.

– Да я же не против, лишь бы только не сунулся куда не надо или не задумал что-то опасное. Мальчишка ведь, несмышлёныш ещё.

– Ну зачем вы так! Мне он показался вполне разумным

ребёнком.

– Ваши бы слова, да богу в уши. Теперь будет целый день где-то голодным бегать...

– На обед явится, наверное.

– Может прибежит, а то и нет...

На сегодня у меня по плану встреча с сослуживцем. Когда-то давно мы вместе служили на китайской границе. Я был старше чином, а он пришёл из училища зелёным лейтенантом на один из наших бронекатеров. С тех пор прошло много лет: я давно на пенсии, а он здесь на Немане командует одной из частей морской пограничной охраны, переименованной в «береговую охрану». Часть его располагалась совсем недалеко от этого города. Созвонившись заранее, мы договорились о встрече.

В общем, день у меня прошёл насыщенно. Были и сумбурная встреча, и осмотр современной техники, и посиделки с ностальгическими воспоминаниями, и всё остальное, что полагается в подобных случаях. Возвращался уже под вечер в приподнятом настроении. Можно было остаться у сослуживца на ночь, но злоупотреблять гостеприимством не приучен, да и хозяйку не предупредил о такой возможности, что тоже не хорошо. Сослуживец вызвал служебный уазик (сколько времени прошло, а эти неприхотливые машины продолжают служить в войсках), который и доставил меня к месту временного проживания.

С пакетом, в котором лежали настоящий кожаный матросский ремень с латунной бляхой и белая летняя бескозырка (всё предназначалось в подарок Тиму), я вошёл в подъезд дома. Собрался подняться по лестнице, но край глаза зацепил мальчишечью фигурку на знакомой скамейке под сиренью. Неужели Тим? Чего это он там сидит, ведь уже смеркается? Изменив направление, я прошёл во внутренний двор. Заметив меня, он встал.

– Здравствуйте, дядя Витя! А я вас дожидаюсь.

– Добрый вечер, юноша, – я присел на край скамейки. – Меня ждёшь, значит? Что-то случилось?

– Нет, просто поговорить хотел.

– Мог бы и дома меня дождаться.

– Тут лучше. Там... бабушка... ещё подумает чего, испугается...

– О, как! Что за разговор такой, что бабушка может испугаться?

Он сел рядом, сцепленными руками уперся в колени, замер, словно собираясь с духом, а потом тихо и решительно заявил:

– Вы можете не поверить, но я только что вернулся из прошлого...

Наверное, я слишком долго не реагировал на его слова, ведь поверить сразу в такие заявления не так-то просто. Всё же детскую фантазию от фантастической правды отличить не всегда возможно. Пока я думал, как ответить, что-

бы не потерять ту ниточку мальчишечьего доверия, что возникла между нами, он поднял на меня глаза и настороженно спросил:

– Вы не верите мне?

– Отчего же, – уже поспешно ответил я, – в нашем мире возможно всё. Я верю, что путешествия во времени возможны. Но почему ты решил, что был именно в прошлом? Ты уверен?

Вместо ответа он полез под футболку и достал оттуда сложенную в несколько раз газету, протянул её мне.

– Смотрите сами.

Вроде обычная газета, формата не больше, чем когда-то печатались районные газеты или детская «Пионерская правда». Да и сама бумага газетная, чуть сероватая, вот только буквы на ней не совсем обычные. Название газеты было написано по-русски, но... готическим шрифтом: «Тильградские вести». И это было не единственное, что меня удивило. Как и положено, под названием была дата: 14 марта 1577 года. Удивительно, но газета пахла свежей типографской краской! Так же, как пахли газеты в моём далёком детстве. Современные газеты так не пахнут.

– Ты где это взял?

– Там.

– Где «там»?

– В городе, где я был.

– И что это за город?

– Тильград. Понимаете, это наш город, только... не совсем наш. Ну, он почти такой же, как наш, только не наш.

– Подожди, Тим, я сейчас запутаюсь. Наш – не наш – почти наш... у меня всё так перемешается и я ничего не пойму. Ты хочешь сказать, что побывал в каком-то городе, откуда принёс вот эту газету?

– Да.

– Этот город находится на месте нашего города?

– Да. Он почти такой же.

– А как ты попал туда?

– Пришёл.

– Просто шёл и вдруг пришёл в другой город?

– Не совсем. В то утро я проснулся и увидел за окном туман. Я подумал, что, может, опять успею увидеть Юргена на озере и побежал туда. Туман был густой, а улицы почему-то пустыми. Даже машин на улицах не было. Я добежал до озера и стал ждать, но Юрген не появился. Когда туман стал редеть и пропадать, я пошёл назад. Я не сразу понял, что в городе что-то изменилось. Сначала я заметил, что нет кинотеатра, что на улице Победы. И нет очереди из машин у пограничного поста. Я удивился, потому что там всегда полно машин. Потом стали появляться люди. Как-то вдруг сразу на улицах появились люди. Я шёл, а они оглядывались на меня. Стало холодно, я начал мёрзнуть, будто зимой, хоть снега на улицах не было. А все люди были одеты тепло – в пальто или куртки, в шапках. Я ничего не понимал. Я шёл мимо до-

ма одноклассника Яшки Свиридова и решил зайти к нему, я замерз в одной футболке и шортах. Я поднялся на третий этаж, где он жил. Дверного звонка тоже почему-то не было. Я постучал, дверь открыла девочка, которую я впервые видел. Я спросил Свиридова Яшу, а она ответила, что там такого нет.

– Вы говорили на русском языке?

– А на каком же ещё? – он удивлённо посмотрел на меня.

– Ну, да, действительно... продолжай.

– Вот, значит, Яшки там нет. Я вообще не знал, что делать и ничего не понимал. Я даже заревел, кажется, а потом... потом не помню... Потом я уже оказался в кровати и меня осматривал доктор. Наверное, я потерял сознание на какое-то время. Вы мне верите?

Верить или не верить? Всё очень похоже на детскую фантазию. Но я сам всегда говорю, что между фантазией и реальностью, пусть даже фантастической, очень тонкая грань. Порой их трудно отличить друг от друга и легко ошибиться. Даже если мальчишка всё нафантазировал, как понять наличие пахнувшей свежей типографской краской газеты? Такую газету придумать, а тем более напечатать... нет, это невозможно. Но даже если допустить, что он и газету смог смастерить с приятелями, то за такое короткое время её не сделать в любом случае. Невозможно даже допустить, что он собирался разыграть меня и всё придумал заранее и подготовил. Даже я сам ещё три дня назад не знал, что встречу

этого мальчишку, а он не мог этого знать вообще никоим образом. Тогда что получается? А получается, что он говорит правду. Ведь есть кротовые норы во времени. Возможно, он действительно прошёл через кротовую нору и оказался в 1577 году. Но тогда он должен был оказаться в немецком Тильзите, а не в каком-то Тильграде. А если это не прошлое? Если это один из вариантов развития параллельного пространства? Другая реальность, в которой история пошла иначе, чем в нашем мире. Комплекс Обитаемых Реальностей вновь напомнил о своём существовании?

– Ну почему же не верю? Верю, хоть и с трудом. Получается, что ты пробыл в том городе целый день? А как вернулся обратно?

– Дядь Вить, – Тимка смотрел прямо в глаза и был серьёзен, – я не знаю, как это случилось, но я прожил в том городе восемь дней, а здесь продолжается один и тот же.

– Сколько?

– Восемь дней...

Похоже, сюрпризы на сегодня ещё не кончились.

– Где же ты жил всё это время?

– В том доме, где девочка жила. Ну, куда я постучал, у тех людей жил.

– Понятно. Значит, ты попал в древний город? Сдаётся мне, что сегодня вечером не я буду тебе рассказывать историю, а ты мне. Давай оставим пока остальные вопросы, ответь мне только на вот что: если там сейчас март, судя по да-

те на газете, значит ещё холодно – как ты выжил в своём летнем костюмчике? Или дома всё время сидел? Как же тогда по холодной погоде обратно сюда пришёл?

– У Эльзы есть брат Руди, он старше меня на два года. Мне дали его старую одежду. Пойдёмте со мной, покажу.

Он потянул меня за руку к дому. Мы вошли в подъезд, поднялись не на свой второй этаж, а на третий. Выше вела узкая лесенка на чердак. На чердаке он повёл меня в дальний угол, где был свален всякий хлам, покопался среди коробок и достал обычный пластиковый пакет, протянул мне:

– Вот в этом я ходил там.

В свете горевшей под самой крышей единственной тусклой лампочки из пакета появилась суконная курточка, серая рубашка, штаны не длиннее, чем до колен, толстые шерстяные чулки и ботинки, больше похожие на полусапожки. Сукно курточки жёсткое, грубой выделки. Штаны, больше похожие на бриджи, тоже из сукна, но лучшего качества. Рубашка льняная или из чего-то похожего, а чулки явно ручной вязки. Высокие башмаки из натуральной кожи, и на кожаной подошве. Уж чего-чего, но найти в современных магазинах такие вещи невозможно. Если только в каком музее, да и то вряд ли. Ещё одно материальное подтверждение, но чего именно? Нашего прошлого или чего-то другого? На этот вопрос ещё предстоит найти ответ.

– Ты в этом пришёл домой?

– Да. Я шёл в тумане по пустому городу. Никого не встре-

тил. Уже перед самым домом туман стал пропадать, и я успел забежать в подъезд, прежде чем на улице появились люди. Уже современные люди. Бабушки дома не было, я успел переодеться в свою одежду. Другую, а не ту, в которой вышел из дома. Та, первая, осталась в Тильграде.

– Хорошо, что Веры Сергеевны не было, когда ты в этом вот появился дома. Такие потрясения в её возрасте противопоказаны.

– Да... – вздохнул Тим, – я тоже так думаю.

Я отдал вещи обратно мальчику, и он спрятал пакет где-то между коробок с разным хламом. Мы спустились в квартиру, выслушали несколько ворчливых замечаний хозяйки, что она уже дважды разогревала ужин и «где вас только нечистая носит, когда ночь на дворе». Последнее было преувеличением, до ночи ещё далеко.

За ужином я рассказал о своей встрече с сослуживцем и подарил Тиму бескозырку и матросский ремень. Ремнём он тут же опоясался, а бескозырку, повертев в руках, примерил, унёс в комнату и убрал в шкаф. Далее вечер проходил по обычному сценарию. Тимофей первым отправился в душ, а мы с его бабушкой смотрели новости и какое-то очередное ток-шоу, каких на современном телевидении развелось немало, но они мало чем отличались друг от друга. Разве только ведущими. Ну да нам оно и не нужно было, мы с хозяйкой мило беседовали обо всём сразу, пока в комнате не появился Тим уже переодетый ко сну. Картинно зевнув,

он заявил, что устал и идёт спать. Мы с его бабушкой ещё выпили по чашке чая и тоже разошлись по комнатам.

Тим делал вид, что спит на самом деле. По крайней мере, он лежал с закрытыми глазами и никак не среагировал на мой приход. Я даже подумал, что он на самом деле заснул, но стоило мне устроиться на своём диване, как я услышал:

– Я могу уже начинать рассказ?

Пришлось подняться и включить настольную лампу. Тим уже не лежал, а сидел на своём диванчике. Я устроился за столом и приготовился выслушать его историю.

– Начни с того момента, как оказался в том доме, где потом жил.

– Хорошо. Так вот я говорил, что открыла мне девочка, а потом я отключился и когда очнулся, то уже лежал в постели. Вокруг меня стояли трое взрослых, а за спинкой кровати девочка, которая открыла дверь и мальчик. Один из взрослых совал мне под нос ватку или тряпочку с резким запахом, который иголками отразился в моей голове при вдохе.

– Наверное, что-то типа нашатырного спирта.

– Я не знаю. От этого запаха я очнулся и из глаз сами собой полились слёзы. Этот дядька, как я понял, был врач. Он стал осматривать меня, слушал сердце через трубку какую-то, смотрел горло, глаза. Задавал вопросы, я что-то отвечал. Потом меня совсем раздели и я почти не мог сопротивляться, потому что руки, ноги и всё тело были какие-то ватные. На меня надели длинную рубашку, дали какую-то горькую

дрянь выпить и уложили в постель. Наверное, от этой дряни, что меня заставили выпить, я быстро уснул. Когда проснулся, был уже вечер. В комнате горели свечи, а не электрическая лампочка, но и от них было светло. Мальчик за столом делал уроки, что-то писал в тетради, часто макая ручку в чернильницу. Девочка на полу рядом с кроватью играла в куклы. Взрослых никого не было. Но едва я сел, как девочка убежала в другую комнату, где громко сообщила, что я проснулся. Тут же в комнату вошли женщина и мужчина – это были родители ребят. Я сидел, кутался в одеяло и ничего не понимал. В смысле, что я тут делаю. Меня стали спрашивать кто я и откуда, как попал в город и почему почти не одет. Я рассказал им, как всё произошло и где я живу. Они слушали внимательно, задавали вопросы, я отвечал, когда знал, что ответить. Потом дядя Оскар (так звали папу ребят) что-то сказал Руди и тот куда-то убежал. Вернулся он с человеком, который меня осматривал – с доктором.

Пока он не пришёл, мне рассказали, что я нахожусь в городе Тильграде, какой там год, и что страна называется Русградская Федерация. Тильград входит в Западную Губернию. Мне показали карту страны. Она больше, чем наша Россия. Там нет никакой Литвы и Латвии с Эстонией. Украины тоже нет. Столица страны – Екатериновск – находится на Урале. Управляет страной Парламент, который назначает не Президента, как у нас, а Верховного Правителя. В губерниях есть губернаторы, а в городах – градоначальники,

по типу наших мэров.

– Получается, у них тоже демократическая структура правления, – заметил я.

– Может... я пока мало в этом понимаю. Но вот электричество у них изобрели совсем недавно и лампочки можно встретить только в столице и в губернских городах. А что касается телевизоров, телефонов и прочих вещей, что у нас обычные, там о них даже не слышали и не представляют, что это такое.

– Интересно, что ты в твоём состоянии запомнил всё это.

– Ну, запомнил, вот... Я же потом несколько дней жил там, было время...

– Понятно, продолжай.

– Так вот, когда пришёл доктор, он опять осмотрел меня, сказал, что со мной всё в порядке и лечить меня больше не надо. А то, что было со мной днём – это что-то типа нервного срыва из-за того, что я оказался в незнакомом месте. А вот о том, что я рассказывал, не следует говорить никому. Но обязательно надо показать меня одному человеку (он назвал имя), который в этом разберётся и, возможно, сможет мне помочь. К тому человеку меня на следующий день отвёл дядя Оскар. Это был высокий и очень худой человек в больших круглых очках. Жил он на другом конце города в своём доме. Не очень большом и двухэтажном, таком же, как есть у нас на окраинах. Насколько я понял, он был каким-то учёным. Дома в его кабинете все стены заняты картами звёздно-

го неба, какие-то таблицы и расчеты, схемы. Мне пришлось снова рассказать, как я попал в Тильград. Он всё выслушал, что-то записывая на бумажке и периодически кивая, словно слышал не в первый раз. Потом сказал, что ему всё понятно и он знает, откуда я появился. Потом долго расспрашивал меня о том, что есть в нашем мире и как оно работает.

– В смысле – о нашем техническом прогрессе спрашивал? – не удержался я от вопроса.

– Ну, да. Какие машины, приборы есть. Я и про ракеты рассказал. Он долго не мог поверить, что у нас люди летают в космос. Я даже нарисовал ему ракету на листке бумаги. А он всё удивлялся, качал головой и с сожалением говорил, что я слишком мал, чтобы объяснить ему, как всё это работает. В общем, он сказал, чтобы я не переживал и он рассчитает время очередного соприкосновения сфер, чтобы я смог вернуться в свой мир. Мы ушли. С тех пор я должен был сидеть дома или быть рядом с ним, потому что это соприкосновение сфер может произойти неожиданно, и этот учёный должен меня быстро найти. Я и сидел почти всё время в доме, только иногда ненадолго мы с Руди выходили на улицу или в магазин. Но всегда не очень далеко, чтобы можно было быстро вернуться.

– Это разумно, – кивнул я. – Ну и что получилось в итоге?

– Сегодня Руди пришёл из школы и мы успели пообедать. Сидели у окна, смотрели на улицу, и я пересказывал им с Эльзой фильм «Приключения Электроника». Они очень

удивлялись и любили слушать, когда я рассказывал наши фильмы, а тут ещё и механический мальчик присутствовал – конечно, им интересно. Вот я рассказываю, и мы смотрим на улицу. В это время подъехала запряжённая лошадю коляска, остановилась у нашего дома и оттуда почти выбежал учёный. Я понял, что он за мной. Так и оказалось: он велел мне быстро одеться, всё время поглядывал на часы, которые у него были в кармашке на животе и висели на цепочке. Я попрощался со всеми и мы сели в коляску. Руди заскочил следом за мной, сказал, что проводит меня. Мы ехали очень быстро. Учёный привёз меня на другую, дальнюю сторону озера. Там мы остановились и он, всё чаще поглядывая на часы, сказал, что сейчас сферы должны соприкоснуться. Если появится туман, то я должен буду быстро бежать вдоль берега и достичь водяной мельницы раньше, чем туман закончится. Если у меня получится, то я окажусь в своём мире, а если не успею добежать, то останусь там и придётся снова вычислять момент сближения сфер.

– Получилось? Туман появился?

– Да. Как только появились первые клочки тумана, учёный пожелал мне удачи и велел бежать. Уже на бегу я видел, что Руди хотел бежать тоже, но учёный держал его и не пускал. Туман сгустился, стал плотным, и я бежал, ориентируясь только по кромке берега. Я ждал, что появится водяная мельница, но она не появлялась. Я даже испугался. Уже пробежал мост у истока озера и только потом до меня дошло, что

в нашем времени нет водяной мельницы, но всё равно продолжал бежать. Уже начались улицы, но ни людей, ни машин не было. Знаете, это так странно и страшно бежать по улицам, на которых никого нет. Мне стало жарко, я снял куртку и продолжал бежать. Уже пробежал центральную пешеходную улицу (её я узнал), повернул на другую, а когда повернул в третий раз на нашу улицу, туман стал редеть. Уже в этом редком тумане начали проявляться звуки, когда я добежал до нашего дома. Заскочив в подъезд, я остановился отдышаться. Как раз в это время последние полоски тумана растаяли и на улицах появились люди и машины. Вот так я добрался обратно. Поднялся в квартиру, сразу переоделся в своё, а ту одежду спрятал на чердаке.

Рассказ, похоже, окончен. Теперь я как-то должен отреагировать на него. Но как? Сначала надо осмыслить всю информацию, понять что-то, что пока не совсем ясно. А мальчишка ждёт, видно, что глазёнки его сверкают.

– Думаю, что там, в Тильграде, проживает очень талантливый ученый, если он может рассчитать время сближения и соприкосновения реальностей, которые он называет сферами. Тебе повезло встретить его, иначе остался бы в том мире навсегда.

– Я бы остался в прошлом?

– Это не прошлое, Тим. Ты разве не понял, что попал в другую, параллельную реальность?

– Я думал, это прошлое. И год на газете...

– Нет, Тим, не прошлое. В 1577 году не было никакого Тильграда, а тем более такой страны, о которой тебе рассказали. На этом месте стоял город Тильзит. Правда, он стоял в нашей реальности, а не в той, где ты был. История тому доказательство.

– Как такое может быть? Я не понимаю.

– В двух словах этого не объяснить. Попробайся понять, что наш мир не один. Прямо вот на этом месте, где стоит наш город; прямо там, где мы с тобой сидим и разговариваем, могут существовать несколько разных вариантов развития мира. Два, три, триста или тысяча – никто не знает сколько. В одном живём мы с тобой и все, кто вокруг нас. Другой мир ты видел – там живут ученый, Руди со своей семьей и все остальные. В третьем ещё кто-то другой, и ещё, и ещё. И везде, в каждом таком мире, существует город. Вот этот самый город, с такими же улицами и домами, с таким же озером. Но совсем не обязательно, что везде он носит одно и то же название. Здесь это Советск, раньше называвшийся Тильзитом. Там, где ты был – Тильград. В третьем месте это может быть какой-нибудь Озёрск или снова Тильзит. Понимаешь? И все эти города находятся на этом самом месте. Вот прямо тут, где стоит твой дом, в твоей комнате может быть живёт другой мальчик или девочка, а может какая-нибудь старушка. Возможно, комнату освещают свечи или электричество, а может что-то такое, что в нашем мире ещё не изобретено. Эти миры или реальности существуют, и ты сам убедился,

побывав в одной из них. Кроме того, возможно именно сейчас, в этот момент появилась ещё одна реальность, где мы с тобой вот так говорим или, наоборот, спим уже.

– Как это?

– Как один из возможных вариантов развития. Ведь мы с тобой могли не говорить сейчас о разных мирах и просто спать. Могли?

– Да, могли.

– Это был бы один вариант развития. Он уже существует, так как мог бы быть на самом деле. Но мы с тобой выбрали разговор, и поэтому получился вариант номер два, в котором мы сейчас присутствуем. Но первый никуда не делся и стал существовать самостоятельно. И вот там ты сейчас спишь и видишь седьмой сон, а здесь мы всё ещё беседуем.

– Как-то сложно всё это...

– Да, понять это непросто, но если допустить, что такое возможно, то всё становится на свои места.

– А это возможно?

– Конечно!

– У меня мозги сейчас закипят...

– Не закипят. Тебе, детям вообще, понять всё намного проще, чем взрослым. Но хватит на сегодня, а то ещё спать не будешь всю ночь, – улыбнулся я.

– Ладно, вот только на один вопрос ответьте: почему я прожил там восемь дней, а сюда вернулся в тот же день?

– Хоть это немного из другой оперы, но ответ довольно

простой. Ты здесь ещё не прожил те восемь дней, которые прожил там. Ты просто не знаешь пока того дня, который наступит через восемь дней. Последнее, что ты знал до перемещения в Тильград – это настоящий день, потому и вернулся в него обратно.

– То есть, я просто не мог попасть отсюда вперед на восемь дней, потому что не прожил их здесь?

– Совершенно верно. Время – оно тоже не такая простая штука, как кажется на первый взгляд. Ну, давай спать. Все остальные вопросы оставь на завтра. Только, прошу тебя, если утром увидишь за окном туман, не убегай в него снова, ведь может так оказаться, что занесёт тебя в какой-нибудь третий мир, где ты не встретишь ученого, как в Тильграде. А мы с тобой ещё подумаем над этой темой и, возможно...

– Что возможно?

– А там посмотрим, что получится. Ты, главное, пообещай, что не исчезнешь утром, как сегодня. Обещаешь?

– Обещаю.

Уже засыпая, я вдруг забеспокоился, что проснусь, а Тим снова исчезнет куда-нибудь, но отогнал эту мысль, как провокационную – мальчик обещал, а обещаниям надо верить.

6. Бойся своих желаний

Тимка никуда не исчез. Проснувшись, я первым делом посмотрел в сторону его диванчика, и увидел, что он всё ещё спит. Спящие дети удивительно красивы и беззащитны – это я заметил по собственным детям, когда вот так, как сейчас, смотрел и любовался ими, прежде чем разбудить утром в школу. Тим ничем не отличался от них: так же разметал руки и ноги по постели, простыня на полу, подушка съехала на край и вот-вот свалится на пол, пуговички ночной рубашки на груди расстегнулись, она сбилась набок и в разрез выглядывало плечо с маленькой родинкой. Раньше я не замечал, а сейчас обратил внимание, что его волосы слегка завиваются, образуя красивую волнистую причёску, сейчас, правда, смятую. Он улыбался во сне.

Стараясь не шуметь, дотянулся до спортивного костюма, оделся и вышел из комнаты, тихо прикрыв дверь.

Вера Сергеевна уже хлопотала на кухне, заметив, что сегодня мы оба спим дольше обычного. Взглянув на часы, я тоже удивился – обычно вставал почти на час раньше. В ответ я объяснил это усталостью после вчерашней поездки к другу, обулся и спустился во внутренний дворик. Там я больше по привычке, чем по необходимости, изобразил нечто вроде зарядки, лениво размахивая руками, приседая и наклоняясь в разные стороны. Наверное, со стороны это выгляде-

ло довольно комично при моих габаритах, потому что в одном из окон дома напротив маячила сначала одна голова, а потом две. Хотел, было, плюнуть на всё и уйти, но что-то вроде мальчишечьего упрямства помешало сделать это, и я продолжал нехитрые упражнения. Неожиданно пришла помощь: во двор прибежал Тим:

– Чего меня не разбудили? – спросил он, вставая рядом со мной и копируя мои действия.

– Во-первых, доброе утро.

– Доброе утро!

– Во-вторых, ты так сладко спал, что мне не хотелось будить тебя.

– Я уже не спал, и, вообще, я раньше вас проснулся и просто лежал и ждал, пока вы проснётесь.

– При этом мерно посапывал...

– Подумаешь – задремал немного! Но не спал!

– Не спал – так не спал. Хорошо притворялся, что спишь.

Мы ещё минут десять махали руками и ногами, и я даже чуточку запыхался, потому что теперь пришлось не изображать упражнения, а делать их по-настоящему. Тим же делал всё старательно и к концу немного раскраснелся.

Конкретных планов на день у меня не было и после своего обычного завтрака – чашки кофе – я с нетерпением ждал, пока бабушка накормит внука, бесцельно шагая по нашей с ним комнате и вспоминая ночной разговор. Я был уверен, что мальчик обязательно захочет продолжить его. Первым

начинать продолжение разговора я не хотел, мне важно было понять: серьезно или нет Тим относится к тому, что вчера рассказал. Ведь вероятность того, что всё рассказанное им придумано, оставалась, хоть и совсем небольшая.

Уверенность меня не обманула. Тим вошёл в комнату, поглаживая живот:

– Когда-нибудь бабушка меня перекармит и я умру.

– Разве тебя заставляют есть через силу? Сомневаюсь!

– У неё получаются такие вкусные оладья, что не могу заставить себя отказаться съесть ещё один, а потом ещё, хоть живот уже полный.

– Так это не бабушка виновата, а ты сам, раз не можешь вовремя остановиться. Но, уверяю тебя, ещё ни один мальчик в мире не умер оттого, что съел пару лишних оладий, так что с этой стороны погибнуть в юном возрасте тебе не грозит.

– Я штук шесть лишних слопал.

– Парой больше или меньше – разница небольшая. Зато теперь ты сыт и она спокойна, что не будешь голодным бегать по улицам целый день. Бабушки – это особая категория людей, которая строго следит за тем, чтобы внуки всегда были сытые. Это я по себе знаю, точнее – по своему детству.

– У вас была такая же бабушка?

– А как же! Была. Бабушки – они одинаковые во всём мире.

Тимка прошёл к окну и сел на подоконник, поводит паль-

цем по стеклу, изображая невидимую восьмерку. Горизонтально. Получался знак бесконечности. Я молчал. Он тоже. Видимо, как и я, побаивался начинать разговор, а, может, собирался с мыслями.

– Вчера вы сказали, что-то про время, что оно не такое простое, как кажется, – наконец, посмотрев на меня, начал он. – Это как?

– В смысле «как»?

– Если оно не простое, то какое? Сложное, что ли? А если сложное, то в чём сложность?

– Сложное? Конечно. Но я бы сказал – разное.

– Как так – разное? Разве может быть время разным?

– А ты как думаешь?

– А что тут думать? – пожал он плечами. – Разве могут быть разными минуты или секунды, время же из них состоит. Секунда – величина постоянная, это даже первоклашки знают. Шестьдесят секунд составляют минуту, шестьдесят минут – час и так далее. Что тут может быть разным?

– Это если смотреть с одной и самой простой точки зрения. Назовем её – бытовой.

– Разве есть ещё какие-то?

– Конечно. Самый простой пример дает теория относительности. Помнишь, ночью в грозу мы считали секунды от молнии до грома?

– Помню.

– Я тебе тогда сказал, что скорость света равна трем-

стам тысячам километров в секунду? Так вот, если космонавты в космическом корабле будут лететь к далёким звёздам со скоростью света, время в их корабле и на земле будет идти по-разному. На корабле пройдет один час, а на земле за этот же корабельный час пройдет несколько лет. А за год полета космонавтов на земле пройдут десятки или даже сотни лет. Тебе это о чём-нибудь говорит?

– Вы хотите сказать, что чем быстрее мы движемся сами, тем медленнее идёт наше время?

– В какой-то степени это так.

– Тогда почему, если мы едем в машине или в поезде, время у нас такое же, как у тех, кто идёт пешком?

– Ты так считаешь? А я думаю, что для тех, кто в поезде, время тоже течет чуть медленнее. Просто скорость поезда не такая высокая, чтобы мы разницу заметили. Может, там всего секунда или даже доли секунды. Пока ученые не научились определять замедление течения времени. Но оно есть, хоть мы этого не замечаем. Просто расстояния и скорости не те, чтобы человек успел это заметить. И расстояния небольшие, и скорость не намного выше скорости передвижения человека.

– Получается, что это всё в теории только, ведь проверить нельзя.

– Ну, в какой-то степени ты прав. Пока мы не можем проверить это практически, но когда человек создаст такие корабли, чтобы летали со скоростью света или выше – тогда

мы сможем подтвердить или опровергнуть это утверждение. Лично я думаю, что эта теория подтвердится.

– Когда это ещё будет! Но я ТАМ провёл восемь дней, а ТУТ прошло время только с утра и до вечера. Это в вашу теорию не вписывается.

– Теория не моя, а Альберта Эйнштейна. У тебя немного другой вариант. Помнишь, я вчера сказал о том, что возможны разные варианты развития событий и, соответственно, у них может быть разный итог?

– Это когда получается много вариантов нашего мира?

– Примерно так. Понимаешь, Тимофей, нам в каждый период времени, а суть – в каждый момент жизни предстоит делать выбор.

– Какой?

– Да любой! Вот ты утром, после того как проснулся, позавтракал, оделся, то можешь пойти на уроки в школу или, например, прогулять уроки. Ты делаешь выбор и идёшь на уроки – и это нормальное развитие событий, тут всё идёт своим чередом, как и должно идти. Но вот в одно утро ты выходишь в школу, но по пути решаешь прогулять уроки и идёшь, допустим, в парк на аттракционах кататься. В этот момент и ты сам, и весь окружающий тебя мир раздваивается. В одном мире ты продолжаешь идти в школу на уроки, а в другом ушёл в парк. Получается, что ты выбрал один из двух возможных вариантов своего будущего. В одном остаешься ты, идущий развлекаться в парк, а в другом... то-

же ты, только идущий в школу на занятия. Получается уже целых два Тима, живущих в разных возможных вариантах развития событий.

Тим слушал внимательно, чуть хмуря брови. Похоже, он пытался себе представить, что я говорил.

– И кто из них я настоящий?

– Оба настоящие.

– Как это?

– А вот так! Теперь существуют уже два мальчика Тимы и живут они оба в одном доме, ходят в одну школу, только в разных реальностях одного и того же мира. Один живет в реальности первой, а другой во второй, которую можно назвать возможной реальностью. Но для Тима, живущего в возможной реальности она самая настоящая, а все другое, наоборот, возможные. Каждый Тим считает свой мир реальным и единственно правильным. Они будут жить и дальше: учиться, расти, потом работать, жениться, когда придёт время, и так далее. Они будут оба жить дальше, но каждый в своём мире, то есть в своей реальности одного на всех мира. Эти реальности всегда рядом, близко друг от друга, и одновременно не достигаемы друг для друга.

– Это фантастика?

– Возможно, да. А, может, нет. Может всё так и обстоит.

– А если всё так, то кто из двоих я?

– Везде ты. Ну а если говорить о конкретной единице твоей личности, что была до наступления момента выбора, то,

думаю, ты там, где тебе было больше по душе на тот момент времени.

– Как-то всё запутано очень...

– Сложно, согласен. Но ведь и мир сам по себе не так прост, как может показаться. Даже на этапе первого выбора понять всю эту вселенскую механику по копированию реальности трудно. Но ведь каждый из нас делает не один выбор в жизни, а множество разных выборов. Понимаешь, что это значит?

– Каждый раз возникает новая параллельная реальность?

– Да, именно так. Маленькая поправка. Выбор тоже бывает незначительным или значительным. При незначительном выборе, мне кажется, реальности нет смысла раздваиваться. Пример со школой я привёл как более понятный. Вполне возможно, что новая реальность и не появится, если последствия прогула незначительны или ничтожны. Ну, прогулял разок – ничего страшного. Но вот если, прогуливая, ты упадешь с качелей и сломаешь ногу – то тебе придётся долго лечиться, а это уже значительное изменение возможного хода событий. В этом случае может появиться новая реальность, где один Тим остался таким, как был, а второй со сломанной ногой. Эти реальности будут развиваться уже сами по себе дальше и каждому Тиму в них придётся делать выбор в соответствующие периоды жизни, а, значит, количество таких реальностей будет только увеличиваться. Их будет много. И в каждой будет жить мальчик Тим, потом взрослый Ти-

мофей и так далее. У каждого будет своя жизнь. Где-то похожая, где-то нет, но везде будешь жить ты, или твоя частичка, если тебе так понятнее.

– Если это на самом деле так, то это круто! А можно встретиться со мной самим из другого мира?

– Наверное, да. Есть же между реальностями проходы. Иногда их называют «кротовыми норами». Через такую «нору» ты попал Тильград. Возможно, это один из вариантов развития нашего мира, только появился он давным-давно, на каком-то очередном перекрестке, где кому-то пришлось делать выбор. Но может быть и другой вариант.

– Какой?

– Что тот мир не имеет никакого отношения к нашему и является совсем другим миром, что живет и развивается самостоятельно. Он похож на наш, но живут там совсем другие люди и по другим законам. Не человеческим законам, а по другим физическим законам, другим законам природы. Не зря знакомый тебе ученый смог рассчитать момент открытия прохода. Это говорит о том, что ТАМ могут знать что-то такое, чего не знаем мы ТУТ. Мы не можем знать, сколько разных обитаемых и необитаемых реальностей, может существовать вокруг нас и рядом с нами. На это влияет очень много разных факторов. Где-то могут жить такие же люди, как мы с тобой, но с более развитыми возможностями; где-то, возможно, есть цивилизация с умными обезьянами или с разумными динозаврами; а где-то самыми умными

могут быть птицы или тараканы – всякое может быть. Слава богу, что наша цивилизация, наш мир, пока соприкасались только с теми мирами, которые похожи на наш. Если бы кротовая нора соединила нас с цивилизацией разумных крокодилов или тараканов, я даже не знаю, как бы мы с ними могли поладить. Всё же нам ближе те, кто хотя бы похож на нас. Все обитаемые вокруг нас миры принадлежат к одному комплексу, который называется Комплексом Обитаемых Реальностей.

– А разве вообще бывают необитаемые реальности?

– Конечно. Миры разнообразны. Мы с тобой не сможем обитать в мире, где нет кислорода или воды. С нашей точки зрения это реальность необитаемая, хотя с точки зрения вселенной это может быть не так. Там тоже может быть жизнь, но она отличается от нашей так, что лучше считать её необитаемой.

– Да, туда лучше не попадать. С комплексом этим понятно, а вот восемь дней...

– Тим, я же говорил тебе – будущего ещё просто нет. Есть прошлое и есть настоящее. Ты не мог вернуться вперед на несколько дней, потому что их ещё просто не было. Можно отправиться в прошлое, потому что оно уже случилось и вернуться обратно в настоящее. Даже если ты был в другой реальности. К тому же мы не знаем законов времени того мира, где ты был эти восемь дней. Может оно там течет быстрее чем у нас и потому прошло восемь дней. А ты, по-

пав туда, жил по законам того мира. Здесь же всё шло своим чередом.

– Тогда почему я вернулся не утром, когда уходил, а почти вечером? Я же здесь до того вечера тоже не дожил перед уходом.

– Да, это так. Честно говоря – я не знаю причин. Думаю, что это просто небольшая коррекция времени. Время само знает, что, как, насколько скорректировать. Оно, время, живое и, возможно, разумное. Мне иногда кажется, что это именно оно сознательно не даёт нам путешествовать вперед и разрешает путешествия в прошлое и обратно. Когда мы сможем разгадать тайны времени, тогда сможем заглянуть и в будущее.

– Почему время живое?

– Потому, что оно может ускоряться или замедлять свой ход. Точно так же, как ты, можешь идти шагом, бежать или вообще стоять на месте. Так же и время, поэтому оно тоже живое.

Похоже, я загрузил Тимку информацией по самую макушку. Он долго думал, уставившись в окно, изредка покачивая головой. В общем-то, и взрослому было бы над чем подумать при таком количестве информации. Похоже, настало время для небольшого отдыха, а то малыш ещё испугается обилия новых понятий. Пожалуй, пора пойти прогуляться.

– Тим, давай сделаем перерыв в высоконаучных изысканиях и пойдем прогуляемся. Мы уже полтора часа говорим.

Бабушка твоя, наверное, удивляется, почему и ты до сих пор дома, и я.

– А что будем делать?

– Погуляем, зайдем в кафе, съедим по мороженому или по сосиске, покатаемся на водных велосипедах или на лодке. Как тебе такой план?

– Пойдёт!

– Тогда собираемся, и на выход.

Мы гуляли долго. Сначала вышли на площадь с городским театром. Мне почему-то вспомнилось, что я приезжаю в этот город уже лет сорок, но к своему стыду ни разу не был в этом театре. А вот Тим был. Правда всего лишь на новогоднем представлении в зимние каникулы, но всё-таки был. Далее прошли в сквер, где на постаменте был установлен танк Т-34, молча постояли около него, отдавая дань памяти далёкой уже войне. Тим у памятника вёл себя спокойно и даже строго. Стоял рядом, держась за мою руку, прямой, стройный, в белой рубашке с короткими рукавами и в коротеньких шортах-полукомбинезоне, который заставила его надеть Вера Сергеевна, узнав, что мы собираемся на совместную прогулку. В этом костюмчике он выглядел чуть младше на год или полтора, но очень симпатично. Наверное, со стороны мы были похожи на деда с внуком – такая мысль мелькнула в моей голове. А что? Внешне мы вполне походили под такую пару.

Мимо длинного каменного забора с несколькими рядами колючей проволоки наверху, принадлежащего воинской части, прошли до ещё одной тихой улочки с немецкими домами. Потом ещё до одной, и ещё, и вышли на набережную Немана. По ней дошли до моста и пограничного пункта пропуска. Перед мостом скопилась колонна машин, ждущих своей очереди на оформление выезда за границу. Постояли и тут, обсуждая разные модели машин, что стояли в очереди.

Добрались мы и до развалин замка, и Тим привел меня в узкий, заросший лебедой и крапивой дворик, в котором под кучей наваленных старых досок и мусора, по его утверждению, находился люк в подземелье, откуда он принёс второй старинный талер. Проверять, есть ли люк на самом деле мы не стали, хоть мне кажется, что Тим ждал такой проверки. Я просто сказал, что верю ему, и спускаться туда мы сегодня не планировали. Как-нибудь прогуляемся в подземелья в следующий раз.

Наконец, вышли к городскому озеру в месте дамбы, где когда-то была водяная мельница. Лодочная станция, где можно взять напрокат лодку или водный катамаран, располагалась дальше, примерно на середине озера. В общем-то это был пруд, но я по-привычке продолжал называть его озером, как привык когда-то давно. Вдоль воды, в нескольких метрах от неё, шла широкая прогулочная дорожка, по которой гулял местный люд. Мы тоже влились в число гуляющих и не спеша пошли в направлении лодочной станции.

По пути попалось небольшое кафе с непритязательным меню. Устроившись за столиком на открытой веранде, мы заказали по порции сосисок с картофельным пюре, которые и умяли довольно быстро. Я запил это чашкой чая, а Тим стаканом яблочного сока. На десерт, конечно, заказали по большой порции мороженого. Я предпочёл пломбир, а Тим выбрал малиновое с шоколадным сиропом. Мороженое принесли в специальной посуде и в виде горки шариков – всё как положено в приличных заведениях.

– А хотите, я покажу вам место, где видел Юргена? – отправляя в рот очередную ложку мороженого, спросил Тим. – Это совсем рядом.

– Хочу. Мне всегда интересны места, где могут соприкоснуться разные времена или разные миры. В таких местах должно быть много загадочного или можно найти какие-то знаки, по которым можно определить предполагаемые границы перехода.

– Какого перехода?

– Межпространственного, конечно, или межвременного. Такие места сами по себе должны чем-то выделяться из общего пейзажа. Было бы здорово найти на месте хоть какие-то признаки.

– А зачем?

– Если знать признаки или приметы мест возможного перехода, то по ним можно найти другие такие места.

– Там ничего такого нет, обычный берег.

– А этого Юргена всегда в одном месте видят или каждый раз в разных?

– Все знают – только на том месте он бывает.

– Значит, в том месте должен существовать постоянный переход, а это означает, что обязательно должны быть какие-нибудь особенности.

– Какие особенности?

– Не знаю. Но если внимательно поищем, можем что-то найти.

Тим помолчал, перемешивая очередной шарик мороженого с сиропом. Его порция уже уменьшилась наполовину.

– Но если там постоянный, как вы говорите, переход, то почему никто не может перейти по нему в другой мир когда угодно или просто случайно?

– Потому что проход постоянно в закрытом состоянии, как дверь, запертая на замок. Но дверь, хоть запертая, хоть открытая, всегда на своем месте. Чтобы он открылся нужны определенные условия, которые можно сравнить с ключом от дверного замка. Если у тебя есть ключ – ты пройдешь, если нет – упрёшься в закрытую дверь. В данном случае ключом, скорее всего, являются некие атмосферные явления, а конкретно – туман. Ведь Юрген появляется всегда во время тумана.

– Если ключом является туман, то мы не сможем пройти через этот проход-переход пока его не будет. Зачем тогда искать что-то, если без тумана никак?

– Скажи, у тебя есть ключ от дома?

– Конечно есть.

– И у тебя есть, и у твоей бабушки есть, и даже мне дали ключ. Уже три ключа для одной двери. Почему не может быть несколько разных ключей и от двери в переход?

Он быстро вскинул на меня глаза, пристально посмотрел и вдруг улыбнулся:

– Точно! Почему я сам не догадался? Несколько разных ключей – это так просто! Мы будем искать новый ключ?

– Хотя бы попробуем определить саму возможность наличия других ключей.

– Вы знаете приметы таких ключей? Какие они?

– Они могут быть самыми разными и совсем простыми, не привлекающими внимания. Определить это не просто, но мы попробуем.

– Попробуем! А если найдем, то пойдем?

– Куда?

– Туда. К Юргену.

– А зачем?

– Интересно же!

– Тим, это очень опасно. Мы можем пройти туда, но не найти обратной дороги. Ты готов к такому варианту развития событий?

– Просто уйдем назад, когда посмотрим там всё. Той же дорогой, только в обратную сторону.

Мне бы такой чистый детский оптимизм! Как всё просто

в детстве: если дорога есть туда, то она же и приведёт обратно. Как было бы просто, если бы так было всегда. Но в жизни, а тем более в хитросплетениях пространств и времён, не всё так просто и ясно.

– К сожалению, Тим, так бывает не всегда. Иногда обратный путь приходится искать долго и в других местах.

– Ничего страшного, найдём другую дорогу и вернёмся. Но вот вы лучше скажите: если мы сможем что-то такое найти, вы бы не отказались пойти туда?

Подошедший официант положил на стол счёт и поинтересовался, не нужно ли ещё чего «уважаемому господину и его мальчику». Поймал себя на мысли, что Тимку всё же связывают со мной. Скорее всего, как деда с внуком. А «мой мальчик», уже доевший мороженое, прищурившись, ждал ответ. Даже ногами болтать под столом перестал. На вопрос, хочет ли он ещё чего, молча помотал головой. Я расплатился по счёту и попросил принести бутылку воды без газа, зная, что вскоре после еды всё равно захочется пить. Эта пауза в разговоре была выгодна для меня, давала возможность обдумать ответ. Едва мы отошли от кафе, Тим забежал вперед и встал, так же прищурившись и с улыбочкой спросил вновь:

– Так что скажете? Вы бы не отказались от путешествия в другой мир?

– Смотря в какой. Мне совсем не улыбается перспектива оказаться с тобой в таком мире, где живут, например, динозавры. Нас там точно сожрут. Или в мире, где идёт война, да

ещё и в районе боевых действий.

– Про динозавров – я бы посмотрел, конечно, но это не обязательно. А повоевать было бы интересно.

– Мал ты ещё воевать, а я уже не такой молодой для этого.

– Подумаешь, мал! Я читал, что в войну были пионеры-герои.

– Были, да. Но, знаешь ли, я считаю, что это плохо.

– Почему?

– Дети-герои... Героями люди становятся чаще всего потому, что другие люди плохо делали своё дело. А этому человеку пришлось прилагать много усилий для устранения ошибок других. Это в большей степени касается героев в мирное время. А война... она не разбирает, взрослый ты или ребенок, и это страшно уже само по себе. Детям не место там, где свистят пули и рвутся снаряды.

– А мальчиш-Кибальчиш? Он же воевал вместе с другими мальчишами, когда отцов и братьев разбили враги.

– Ты читал Гайдара? – удивился я.

– Не-а, я кино видел.

– Это сказка, разве ты не понял?

– Ну и что, что сказка! Все сказки основаны на реальных событиях, только давно забытых. И ещё: если вы говорите, что мир наш может разделяться на разные, то как можно утверждать, что Кибальчиша на самом деле не было? Вдруг он был всамделишным, только... это... в другой реальности? Вот вы можете точно сказать, что его никогда и нигде вооб-

ще не было? Ни в нашем, ни в каком-то другом мире?

Ишь как хитро завернул вопрос-то! Я даже проникся уважением, ибо не ожидал такого поворота и такой рассудительности с упором на то, что я сам совсем недавно рассказал ему. А ведь поймал меня! С точки зрения многообразия и возможных вариантов развития событий отрицать полную невозможность появления в каком-то из них настоящего Кибальчиша нельзя. А ещё я порадовался, что не впустую прошли для него мои разговоры в последние дни.

– Нет, Тим, этого я утверждать не могу. Если рассматривать сказку с точки зрения всего комплекса обитаемых реальностей, то мальчиш-Кибальчиш сотоварищи вполне мог биться в одной из них с проклятыми буржуинами.

– Ага! Вот видите! А говорите – сказки! Если бы мы попали туда, где живёт Кибальчиш, я бы тоже пошёл воевать с буржуинами. А вы пошли бы?

– Если бы был таким как ты, то, наверное, пошёл бы. Но я же не такой маленький, все буржуины целились бы только в меня. Тебе меня не жалко?

– Не вижу проблем, – безапелляционно заявил «мой мальчик». – Если бы мы попали туда, ты был бы там тоже мальчиком, как я!

Я даже споткнулся на ровном месте. Тим, сам того не подозревая, озвучил самое сокровенное, но, увы, самое несбыточное моё желание. Как часто, ложась вечером в постель, я загадывал желание проснуться поутру мальчишкой, но на-

ступало утро, а желание так и оставалось желанием. Вот такая ностальгия по детству даже заставила как-то написать про это стихи. Может, он случайно нашёл их в ноутбуке, когда играл? Нет, вряд ли. Тогда он может читать мои мысли? Или случайное совпадение? Наверное, всё-таки совпадение.

Я не успел ничего ответить Тиму, как он плеснул бензинчика в разгоравшийся костёр моих несбыточных желаний:

– А вот интересно, каким бы ты был, если бы снова стал мальчиком? Ну, вот представь себе, мы прошли через проход в другой мир, и ты вышел там не взрослым, а мальчиком. Сам же говорил, что время живое и может творить чудеса, вот оно омолодило тебя в переходе – каким бы ты стал?

– Про чудеса я тебе ничего не говорил.

– Ну и что! Зато я это сказал. Так каким бы ты стал?

– Это ты предлагаешь мне в игру поиграть? Представить, каким бы я стал, случись с нами такое?

– Ага! Может, поиграть, а, может, и не поиграть вовсе – там видно будет.

Что ж, играть – так играть. А, действительно, каким я хотел бы стать, случись такое перевоплощение? Во сне в таких случаях я видел себя, как на редких сохранившихся детских фотографиях, и это меня вполне устраивало. Но если на самом деле обернуться сейчас пацаном, то вряд ли моя дворовая одежда тех времен была бы здесь уместна. Сейчас никто не носит объёмистых свободных шаровар или коротких штанов на лямках вкупе с длинными чулками, застежка которых выглядывала из короткой штанины. Это было бы здесь перебором. Но фантазировать никто не запрещает.

– Давай поиграем, – улыбнулся я и продолжил: – Значит, ты предлагаешь представить мне себя мальчиком?

– Ну не девочкой же, – фыркнул Тимка.

– Тогда я хотел бы стать на год... нет, на два года старше тебя...

– Чего это вдруг старше меня? – возмущённо перебил этот провокатор.

– А чтобы ты не задавался и я при случае мог бы спокойно надавать тебе по шее.

– За что?!

– Неважно. Была бы шея, а причина всегда отыщется. Да ты и сам вполне понимаешь, за что можешь получить по шее. Да, точно. Мне будет двенадцать лет. Ростом я буду выше тебя, примерно на половину головы, этого хватит. Волосы – светло-русые, как были в детстве. Прическа... Знаешь, в детстве мне слишком надоели стрижки под чёлку или полубокс, поэтому хочу быть с большой шевелюрой, пусть даже растрепанной, но только не с короткой стрижкой. Теперь одежда: рубашка клетчатая с длинными рукавами, но рукава закатаны выше локтей. Штаны, конечно, короткие, ведь сейчас лето и этого достаточно. Вот твой комбинезон – вполне хорош для пацана. Или... или пусть будут немецкие кожаные шорты, они мне в детстве нравились. Далее: на ногах гольфы до колен, коричневые или голубые и сандалии. Хотя, вместо сандалий пусть будут кеды тёмно-синие на белой подошве, с мячиком на внутренней стороне. Что ещё? Можно добавить рогатку, я с ними не расставался до определённого возраста, пока самострелы не стал мастерить.

– Чего ты там стал мастерить? – мгновенно раздался ехидный голос того, кого официант в кафе назвал «моим мальчиком».

– Забудь, это я оговорился.

– Ну да, оговорился он... – короткий смешок говорил, что он сомневается в этом.

– Вот такой мой вид тебя устраивает? – проигнорировав смешок, спросил я.

Он обошёл меня вокруг, разглядывая так, словно я уже стал таким, как только что нафантазировал. Потом отбежал на несколько шагов и снова оценил мой вид, прищуриваясь и наклоняя голову то в одну, то в другую сторону.

– Что, не верится, что я был когда-то почти таким? – не выдержал я этого бесцеремонного разглядывания.

– Ну почему, вполне нормальным человеком стал бы...

Сказал он это так спокойно и с такой интонацией, что мне показалось, будто он меня жалеет. Наверное, мой сегодняшней вид слишком отличается от нафантазированного...

– Не веришь, – вздохнул я, и добавил, уже из вредности, чтобы он не слишком-то грустно поглядывал на меня: – Ещё неизвестно, каким ты станешь, когда доживёшь до моих лет.

– Пфы! Когда ещё мне станет, сколько тебе сейчас!

– Взрослым надо говорить «вы», – проворчал я. – Мы с тобой на брудершафт не...

– Что такое «брудершафт»?

– Ритуал такой. Узнаешь в своё время.

– Пфы!

Какое-то время мы шли молча. Он чинно шагал рядом и не задавал вопросов, видимо чувствовал, что я немного огорчён. А я поймал себя на мысли, что мне жаль, что игра так быстро закончилась, даже не успев начаться по-настоящему. Что ж, может это и к лучшему, чтобы не расстроиться ещё больше.

– Осторожней с желаниями, они могут исполниться, – сам не ожидая, задумчиво произнёс я, как оказалось – вслух.

Это не ускользнуло от Тима. Он быстро глянул на меня, сам взял меня за руку и тихо спросил:

– Разве это плохо, когда желания исполняются?

– Смотря какие, Тим. Иногда лучше, чтобы они так и оставались желаниями и не исполнялись.

– Но почему?

– Не знаю. Так говорят. Наверное, потому, что человек сам не знает, что ему делать, когда заветное желание исполнится. Это относится к таким желаниям, которые не могут сбыться в принципе. Неисполнимые желания. Человек в своих мечтах может желать такого, что в жизни не может случиться ни при каких обстоятельствах. Один шанс из тысячи, из миллиона. И если этот шанс вдруг выпадет, то человек теряется, не знает что ему делать, к чему стремиться, ведь мечта сбылась. Она сбылась, а он не знает, что с ней делать. И мечты уже нет, стремиться не к чему, ждать нечего. Поэтому он боится исполнения своей мечты и неосознанно де-

лает так, чтобы она никогда не исполнилась. Думаю, именно отсюда появилась такая поговорка.

– Странно как-то: мечтать и в то же время желать, чтобы мечта не сбылась.

– В жизни много странного и непонятного.

– А ты? – он не обратил никакого внимания на моё замечание по поводу обращения к старшим. – Ты боишься?

– Конечно. Боюсь споткнуться и сломать что-нибудь; боюсь заболеть тяжелой болезнью и попасть в больницу; боюсь за своих детей – у человека есть много причин для боязни. Ничего не боятся только дураки. Все нормальные люди хоть чего-то, да боятся. Вот ты, например, боишься грозы – это мне известно. Наверное, чего-то ещё боишься, но это нормально.

– Я не об этом, – Тим досадно дёрнул плечом. – Ты боишься, что снова можешь стать мальчишкой?

Я ответил не сразу. Попытался разобраться в своих мыслях и чувствах, а они сплелись в такой клубок, что разобраться не так-то просто.

– Боюсь, – честно сказал я. – Боюсь только не того, что вновь стану мальчиком, а того, что потом снова придётся становиться взрослым, а это будет ещё обиднее, чем несбывшаяся мечта.

– Значит, стать мальчиком ты всё же хочешь! Я так и знал!

– Не всё зависит от нас, но с таким приятелем как ты, я не прочь пуститься в какую-нибудь немислимую авантюру,

что все мальчишки на свете называют приключением. А уж если будет приключение, то лучше пережить его мальчишкой, чем таким неуклюжим и немолодым дядькой, как я сейчас.

– Не такой уж ты неуклюжий и совсем ещё не старый.

– Лесть – плохая штука. Мальчикам, вроде тебя, она не к лицу. Надо всегда говорить правду – честно и прямо в глаза.

– Совсем я не лестию, – смутился мальчишка, – ты совсем не старый... пока ещё.

– Правильно говорить «я не лещу» – тоном учителя поправил я. – Ну да бог с ним, с желанием, хоть и жаль, честное слово, что шансов на его исполнение практически нет.

– Кто знает, много или мало этих шансов? Главное – быть готовым.

– К чему?

– К тому.

– А я, как пионер – всегда готов!

Часть 2. Грандзоор

7. Тропа Юргена

Мы сидели на берегу реки. Точнее – на почерневшем от времени и воды бревне в паре метров от воды. Сил идти дальше почти не осталось, и надо было подумать о приближающейся ночи. К тому же в животах уже так урчало от голода, что все остальные звуки сами собой отходили на второй план. Пока не стемнело, неплохо бы раздобыть что-то съедобное.

– Интересно, ночи здесь холодные или нет? – не обращаясь конкретно к Тиму, задумчиво произнёс я.

– Я не знаю, – ответил он.

– Это понятно, что не знаешь. Если будет холодно, мы тут дуба дадим под открытым небом. Нам даже укрыться нечем. А если дождь? А если какие-нибудь хищники водятся? Нда... занесло нас чёрт знает куда...

– Ты всё ещё злишься на меня?

– Стоило бы, да какой от этого толк? Сейчас надо думать, как обратно выбираться будем, а в первую очередь – как ночь пережить и с голода не умереть.

– Можно шалаш построить...

– Можно. А на ужин что?

– Не знаю.

Вот и у меня тоже мало идей. После того, что случилось, прошло уже несколько часов, а мы здесь не встретили ни одного человека. Будто людей тут вообще не существует. Птицы есть, мелкое зверьё присутствует, (я видел белку на дереве и косулю, пробежавшую недалеко от нас), вероятно и рыба есть в реке, а где люди?

– Значит, так: ночевать будем здесь. Ты сейчас собираешь дрова – по берегу полно сухих веток и плавника валяется, стаскивай всё в одну кучу. Чем больше соберёшь – тем лучше, может, костёр всю ночь придётся жечь.

– А чем огонь добудем? Спичек у нас нет.

– Об этом не беспокойся, добудем.

– Ты что будешь делать?

– Попробую рыбы наловить, надо же нам хоть немного поесть. Отощалаешь ещё, как я тебя Вере Сергеевне возвращать буду? Всё же я за тебя отвечаю, хоть ты и умудрился непостижимым мне образом сделать из меня... то, что сделал.

– Это не я...

– Не ты... Гарри Поттер, что ли? Молчи уж, авантюрист-малолетка.

– А сам-то? Жаль, зеркала нет, посмотрел бы на себя. Кто говорил, что желания могут исполниться? Вот как сам себе нажелал, так и получилось, а я здесь ни при чём. И вообще, ты такой же мальчик, как я, так что поменьше тут командуй.

– А по шее? Это ведь ТАМ я не имел права тебе накосты-

лять, а ТУТ мы в равном положении, как ты сам заметил, так что имею право.

– Не совсем в равном, ты, старше, а я младше – то есть всё равно маленький, а маленьких обижать нехорошо.

– В твоём возрасте... в нашем возрасте год-другой разница небольшая, так что имею право.

Тимка спрыгнул с бревна, отряхнул шорты, встал напротив меня и заявил:

– Вот не понимаю я вас, взрослых. Вы всё плачетесь, как хорошо было, когда вы были мальчиками и девочками, но-стальгируете, слезы пускаете, а вот появилась возможность некоторым вернуться в детство, так сразу: авантюрист, шею намылю... Что не так? Сам говорил, каким хотел стать, вот и стал. Радоваться надо, что на нормального человека теперь похож, а ты драться собрался. И вообще, если по-честному, ты спасибо должен мне сказать, а не ругаться, – заявил нахалёнок.

– За что спасибо?

– А за всё! За то, что снова мальчишкой стал, за приключение и вообще. Если бы я тогда не спросил, каким бы ты хотел стать мальчиком, ты бы не загадал желание и не стал из «дяди Вити» обычным Витькой. Ты же этого всегда хотел. Думаешь, я не знаю?

– Да что ты можешь знать-то?

Вместо ответа он чуть призадумался, словно вспоминая что-то, а потом продекламировал:

*Как было б здорово опять
Проснуться поутру мальчишкой!
По крышам голубей гонять
И посидеть с любимой книжкой.
Кота на дерево загнать,
В футбол играть консервной банкой,
Из самострела пострелять
В глухом овраге спозаранку.
Вновь в тихой речке за леском
Как прежде гольшом купаться,
И с хулиганским огоньком
За дело правое подраться.
В коротких, с ляжками, штанах,
Беспечно по двору носиться.
И при соседских пацанах
В девчонку с косами влюбиться.
Ведь детство в голове сидит,
Хоть жизнь меж нами ставит стенки,
И с фотографии глядит
Чулочной дыркой на коленке.*

– Скажи ещё, что это не ты написал. Да ты давно хотел опять стать мальчишкой, а на меня бочку катишь.

– Полазить успел по моим файлам в ноутбуке? Вот и давай таким как ты поиграть на компьютере...

– Я случайно открыл папку, а там не только стихи. Это

было первое. Я прочитал и запомнил. Я вообще легко стихи запоминаю, у меня по ним всегда пятёрка в школе. А потом я понял, что это твоё заветное желание, потому и завёл разговор там, на озере, каким бы ты хотел стать. Но я же не знал, что всё так получится. Наверное, твоё желание было очень сильным, вот оно и исполнилось. Или оказалось тем самым ключиком, который помог нам пройти через все стенки, про которые ты написал в своём стихе. Так что ты сам нас сюда привёл своим желанием, а не я.

– Во-первых, всё же лазить по чужим файлам, если тебе дали поиграть, некрасиво. Во-вторых, к подобным приключениям надо готовиться, а не пускаться в них сломя голову и продумывать возможные маршруты возвращения. Мы же с тобой сейчас как два моряка на необитаемом острове после кораблекрушения – без всего, что нам необходимо для выживания. Это плохо. В третьих, тебе не стоит скромничать о своей роли во всём этом деле. Как бы я ни хотел вновь стать мальчиком, до встречи с тобой этого не случилось. О чём это говорит? А том, что ты стал своего рода последней каплей, или катализатором, запустившим процесс. Не будь тебя – ничего бы не случилось. Ну и, в-четвёртых, тебя же будет искать бабушка. Что она подумает обо мне в первую очередь? Ведь мы с тобой вместе ушли на прогулку и пропали. Она всю полицию на ноги поднимет, если уже не подняла. Разве ты не в курсе, сколько детей пропадает без следа в стране? Меня вполне могут обвинить в твоём похищении.

– Не обвиняй, не переживай.

– Не уверен.

– А я уверен. Ты сам говорил, что вернуться мы можем только в тот день, из которого попали сюда. Или забыл уже? Так что никто нашего временного исчезновения не заметит.

– Теоретически – да. Но теперь я начинаю сомневаться.

– Почему сомневаешься?

– А ты на меня посмотри – никто и никогда даже не допускал, даже подумать не мог, что можно из взрослого человека превратиться обратно в мальчишку. Получилось, что моё личное, локальное время прыгнуло назад на несколько десятков лет. Разве такое возможно? Ещё утром я этого не допускал. Но произошло то, что произошло. Причины и законы этого мне неизвестны, а потому теперь ставится под сомнение и то, что раньше считалось незыблемым.

– Слишком умно говоришь, а надо быть проще. Ты стал мальчиком потому, что поверил в такую возможность. Мечтал и верил – вот и стал таким. Если верить, что вернёмся в тот же день, то так и случится. Тем более, что ты мальчишкой уже был когда-то и это законов будущего времени не нарушает, а завтрашнего дня мы не знаем и попасть туда не можем. Мне теперь разъяснить тебе твои же вчерашние слова? Не знал, что у некоторых с уменьшением длины штанов уменьшается и соображалка. Она, соображалка, должна ещё быстрее соображать.

– Нахал! Как ты разговариваешь со старшим?

– Вырасти сначала, тогда снова старшим станешь, – издевательским тоном заявил Тим, – а пока ты такой же, как я.

– Сейчас точно по шее получишь!

– Щас! Фиг получится у тебя, мы теперь в одной весовой категории. Сам сдачу получишь!

Смеяться или плакать? А ведь Тимка прав! Почему-то получилось, что не я его, а он меня успокаивает и уверяет, что всё будет хорошо. Я хоть и стал меньше ростом и моложе, но в голове-то всё осталось от прежнего взрослого. Вот и засомневался. А он не сомневается, он уверен, что ничего страшного с нами не произошло и не произойдёт. Детская непосредственность и уверенность обезоруживают. Ну и мне не стоит поднимать панику раньше времени. Чего, собственно говоря, нервничать? Двое мальчишек нашли на свою... э-э... попу новое приключение, так надо радоваться, наслаждаться выпавшей возможностью. А проблемы рассосутся сами собой. Ну а если не рассосутся – тогда будем их решать, как решали всегда все мальчишки в мире – по мере их возникновения. Вот сейчас проблема еды и ночлега и надо решать её, а про возвращение думать рано. Уж если нас сюда забросило, надо посмотреть, что тут и как устроено, как живут и вообще, что тут происходит. На фоне этих мыслей в голове сами собой всплыли строчки позитивной песенки из какого-то детского фильма:

Растяпы мы, конечно, и разини мы,

И нам любая кажется беда

*Невероятной и неотразимой,
Но как-то всё обходится всегда.*

Забавная песенка, в ней как раз всё собралось: и мальчишечий авантюризм, их ротозейство и беспечность, умение вляпаться в самые невероятные и опасные истории и вера в то, что выпутаются из любой передряги с помощью неведомой силы, которая непременно поможет в нужный момент. А самое невероятное – всё так и происходит: выпутываются и сухими из воды выходят! А почему? Да потому, что все мальчишки на свете невероятные оптимисты! А я сейчас кто? Такой же мальчишка, так стоит ли переживать и расстраиваться? Ну уж нет: приключение – так приключение!

– Ладно, Тим, шею намыливать я тебе не буду. Пока не буду. Но учти, выбраться отсюда мы должны вдвоём, так что нам надо держаться вместе. Поэтому пообещай не убегать от меня далеко и слушаться.

– Слушаться обязательно? Почему?

– Потому, что я всё равно на самом деле старше и опытнее, и по-одному мы можем попасть ещё дальше и в итоге заблудиться в комплексе обитаемых реальностей и никогда не вернуться домой. Что бы тут ни произошло, как бы хорошо ни было, в чем пока я не уверен, но дома всегда лучше. Мы – люди другого мира, и, по большому счету, нам здесь не место. Если мы попали сюда случайно, а не какому-то неведомому нам плану высших сил, то этот мир будет стараться избавиться от нас любым способом, как от чужерод-

НЫХ ЭЛЕМЕНТОВ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.